

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 485–538
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 2 (2022): 485–538

Научная статья
УДК 327-057.54
<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-4>

Украинская внешнеполитическая экспертиза и военная безопасность России в Черноморском регионе

Олег Владимирович Онопко,
Донецкий национальный университет,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
onopko.oleg@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5569-8256>

Oleg V. Onopko,
Donetsk National University,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
onopko.oleg@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5569-8256>

Аннотация. В статье впервые в политической науке осуществлена попытка определить специфику потенциального влияния на военную безопасность России представлений, существующих о ней и о Черноморском регионе в геополитической картине мира экспертов основных аналитических центров Украины, занимающихся российскими и черноморскими исследованиями. С использованием синтетической методологии, в основе которой лежат отдельные принципы и положения критической геополитики, теории «эпистемных сообществ» П. Хааса и теории секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера, автором изучены тексты аналитических продуктов институтов внешнеполитической экспертизы, которые увидели свет в 2014–2020 гг. Это позволило установить секьюритизированные представления о России и Черноморском регионе, характерные для украинских экспертов, а исследование их рекомендаций органам государственной власти Украины дало возможность определить потенциально проистекающие из них угрозы военной безопасности России. Для понимания того, как секьюритизированные представления и рекомендации экспертов учитываются правящим на Украине режимом, были проанализированы тексты украинских доктрин и стратегий в сфере военной и внешней политики (утверждённые либо находившиеся на стадии обсуждения в 2014–2021 гг.). Всё это позволило автору прийти к ряду выводов, касающихся обеспечения военной безопасности России в Черноморском регионе. Установлено, что российскими и черноморскими исследованиями на Украине занимается целый пул институтов внешнеполитической экспертизы, который имеет все

© Онопко О.В., 2022

© Onopko O., 2022

признаки «эпистемного сообщества». Его члены транслируют украинской власти иррациональные секьюритизированные представления о России, содержащиеся в их геополитической картине мира: они описывают российскую внешнюю и оборонную политику через стремление к экспансии и восстановлению Советского Союза, а также ксенофобские антирусские политические мифы. Этим эксперты обосновывают абсолютно реалистские по своей сути меры, которые, во-первых, направлены на формирование в Черноморском регионе антироссийской системы коллективной безопасности, а во-вторых, могут привести к вооружённому конфликту в нём с участием в т.ч. и нечерноморских государств.

Ключевые слова: внешнеполитическая экспертиза, аналитические центры, военная безопасность, геополитическая картина мира, Россия, Украина, Черноморский регион

Для цитирования: *Онопко О.В. Украинская внешнеполитическая экспертиза и военная безопасность России в Черноморском регионе // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 485–538, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-4>*

Ukrainian foreign policy expertise and Russia's military security in the Black Sea region

Abstract. This article is the first attempt in political science to determine the specifics of potential influence on Russia's military security that may be exerted by the existing views on Russia and on the Black Sea region in the geopolitical worldview of the experts from the main Ukrainian think-tanks engaged in Russian and Black Sea studies. Using synthetic methodology based on certain principles and provisions of critical geopolitics, the theory of epistemic communities by Peter Haas, and securitization theory by Barry Buzan and Olle Wæver, the author studied the texts of analytical products of the institutions of foreign policy expertise that appeared in Ukraine in 2014–20. This allowed the author to establish securitized perceptions of Russia and the Black Sea region, typical for Ukrainian experts. The study of their recommendations to Ukrainian state authorities provided an opportunity to determine the potential threats to the military security of Russia. In order to understand how securitized perceptions and expert recommendations are considered by the ruling regime in Ukraine, the texts of Ukrainian military and foreign policy doctrines and strategies (approved or under discussion in 2014–21) were analyzed. All this allowed the author to come to a number of conclusions regarding the provision of Russia's military security in the Black Sea region. It has been established that a whole pool of institutions of foreign policy expertise is engaged in Russian and Black Sea studies in Ukraine, and this pool of institutions has all the signs of an epistemic community. Its members broadcast to the Ukrainian authorities the irrational securitized ideas about Russia contained in their geopolitical worldview. They describe Russian foreign and defense policy through the desire for expansion and restoration of the Soviet Union as well as through xenophobic anti-Russian political myths. With this, these experts justify the measures that are absolutely realistic in their essence and, firstly, are aimed at creating an anti-Russian collective security system in the Black Sea region, and secondly, can lead to an armed conflict in the region with the participation of the states outside the Black Sea region.

Key words: foreign policy expertise, think tanks, military security, geopolitical worldview, Russia, Ukraine, Black Sea region

For citation: Onopko, O.V. “Ukrainian foreign policy expertise and Russia’s military security in the Black Sea region.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2 (2022): 485–538. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-4>

Предисловие выпускающего редактора

Статья политолога из Донецка Олега Владимировича Онопко была получена редакцией в июле 2021 года. Автор, опираясь на значительное количество источников, постарался оценить угрозы военной безопасности России, как обозначенные в доктринальных официальных документах руководства Украины, так и описанные в работах украинских официальных экспертов, представляющих институты внешнеполитической экспертизы. Но политические процессы, происходящие в современном мире, отличаются крайним динамизмом. Исследователи, пытающиеся спрогнозировать будущие политические события и явления, иногда просто не в силах предсказать их развитие, настолько быстро они протекают, приводя к тем результатам, появление которых не ожидалось в столь короткие сроки. Так бывает, что практика иногда может опережать теорию. Автор статьи предупреждал о враждебных настроениях, которыми пропитаны аналитические документы украинских экспертов, формирующих отношение к России как к врагу. Может показаться, что в настоящее время предлагаемая статья потеряла актуальность, поскольку руководство России приняло решение о проведении специальной военной операции, направленной на устранение угроз, идущих из Украины, а реализация задач денацификации и демилитаризации этой страны должна отбить охоту у враждебных для России политических сил сделать из Украины «Анти-Россию». Однако, значение и актуальность статьи Олега Владимировича Онопко состоит в том, что аналитический материал, собранный автором, позволяет познакомиться с теми способами и методами, с помощью которых в национальном общественном сознании Украины постепенно формировался фундамент, на котором затем была построена русофобская внешнеполитическая доктрина.

Примечание редакции. Публикация и цитирование источников рассматриваются автором как доказательная база последующих действий и политической (идеологической) позиции украинских властей.

Формулировки, представленные в статье, использованы исключительно для выстраивания логики исследования.

Введение

После свержения В. Януковича и установления в стране евроатлантически ориентированного националистического политического режима Украина без преувеличения стала наиболее враждебным России государством Черноморского региона. Оспаривая новый международно-правовой и политический статус Крыма и Керченского пролива, не признавая границы в Азовском и Чёрном морях, а также стремясь вовлечь Россию в полномасштабный и прямой вооружённый конфликт, она представляет собой ключевую угрозу региональной и международной безопасности в Черноморье. Конфликтогенный характер украинской внешней политики неоднократно подтверждался как в дипломатическом – посредством саботажа выполнения Минских соглашений, а также договорённостей, достигнутых в рамках Нормандского формата, – так и в военном плане – посредством периодических провокаций и актов агрессии, подобных Керченскому кризису ноября 2018 г. или созданию напряжённости на Донбассе и у границ России в апреле 2021 г. При этом в основе такой политики лежат не спонтанные политические решения, но последовательный и продуманный антироссийский курс правящего режима, значительный вклад в формирование геополитической картины мира¹ представителей которого внесён частью украинского экспертного сообщества, специализирующейся на вопросах внешней политики и международных отношений. Исходя из своих идеологических убеждений и установок, украинские эксперты-международники и сотрудники аналитических центров консультируют органы государственной власти и предоставляют им оценки текущей международно-политической ситуации, а также рекомендации по ведению внешней и военной политики Украины. В этих условиях актуальными задачами для российской политической науки и практики являются понимание видения России и вопросов военной безопасности в Черноморском регионе, свойственного украинской системе внешнеполитической экспертизы, а также выработка вариантов стратегии противодействия Украине в данном геополитическом пространстве, которые учитывают указанное понимание.

В современной отечественной политологии вопросы международных отношений и безопасности России в Черноморском регионе изучены достаточно подробно. На сегодняшний день с позиций политических наук черноморскими исследованиями в России занимаются такие учёные, как

¹ Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4: Региональное измерение политического процесса. С. 31–52.

Н. Александрова-Арбатова², А. Баранов³, А. Гаврила⁴, П. Гудев⁵, А. Ирхин⁶, А. Ишин⁷, Э. Ислямова⁸, А. Макарычев⁹, Д. Малышев¹⁰, Г. Нурышев¹¹, В. Петров¹², И. Юрченко¹³ и др. Их работы затрагивают самые разнообразные аспекты происходящего в Черноморье: от общего анализа геополитического положения региона¹⁴ до изучения конкретных политических ситуаций, возникающих в нём¹⁵. При этом практически все авторы так или иначе отмечают особое значение Украины в создании военно-политической нестабильности в Черноморье. Диаметрально противоположная точка зрения у

² *Alexandrova-Arbatova N.* Security Relations in the Black Sea Region: Russia and the West after the Ukrainian Crisis // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2015. No. 15 (2). P. 129–139. DOI: 10.1080/14683857.2015.1060015

³ *Баранов А.В.* Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2018. Т. 4 (14), № 2. С. 5–18.

⁴ *Гаврила А.* Роль Черноморского региона в региональном и глобальном контексте // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9, № 1–2. С. 44–47.

⁵ *Гудев П.А.* Новые риски и угрозы безопасности России в Азово-Черноморском регионе // *Пути к миру и безопасности*. 2017. № 2 (53). С. 37–45.

⁶ *Ирхин А.А., Нелина Л.П., Чихарев И.А.* Россия и Большое Средиземноморье (1920–2014) // *Парадигмы истории и общественного развития*. 2018. № 12. С. 58–68.

⁷ *Ишин А.В.* О геополитической стратегии НАТО в Черноморском бассейне // *Проблемы постсоветского пространства*. 2020. Т. 7, № 2. С. 219–226.

⁸ *Ислямова Э.Э.* Черноморский регион в контексте политики национальной безопасности Российской Федерации: вопросы теории // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2019. Т. 46, № 2. С. 375–383.

⁹ *Baltic-Black Sea Regionalisms* / edited by O. Bogdanova, A. Makarychev. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-24878-9

¹⁰ *Малышев Д.В.* Керченский кризис и статус Азовского моря // *Постсоветские исследования*. 2019. Т. 2, № 2. С. 982–989.

¹¹ *Нурышев Г.Н.* Современное Причерноморье в геополитическом измерении // *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. 2016. № 2–2 (14). С. 16–21.

¹² *Петров В.П.* Геополитическое значение Крыма // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2018. Т. 20, № 1. С. 21–30.

¹³ *Юрченко И.В.* Геополитические особенности Черноморского региона в контексте обеспечения безопасности Юга России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2008. № 3. С. 18–24.

¹⁴ *Ишин А.В.* О геополитической ситуации в Черноморском регионе: крымский взгляд // *Проблемы постсоветского пространства*. 2016. № 1 (7). С. 38–46.

¹⁵ *Баранов А.В.* Геополитический конфликт в Керченском проливе и Азовском море: причины, интересы участников, динамика // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2019. № 1 (58). С. 89–94.

иностранных учёных Ю. Будзовича¹⁶, Е. Горюновой¹⁷, С. Кайзера¹⁸, Ш. Кросс¹⁹, К. Мартен²⁰, В. Наумеску²¹, Б. Парахонского²², Д. Сандерс²³ и др. Многие из них – и особенно исследователи из Украины – рассматривают Россию как главную угрозу интересам своих государств в Черноморье, пытаются искать любые пути и возможности противодействия ей. Автор убеждён, что в этом заключается одно из фундаментальных различий между, с одной стороны, украинскими и западными прикладными политическими исследованиями проблем Черноморского региона и, с другой стороны, российскими, которые ориентированы на поиск исключительно правовых и дипломатических средств урегулирования существующих или потенциальных конфликтов и противоречий. Так или иначе ни отечественные, ни зарубежные политологи при анализе политических, военных и иных процессов в Черноморье практически не принимают во внимание фактор внешнеполитической экспертизы в тех государствах, которые в этих процессах участвуют. Среди позитивных исключений в этом отношении следует упомянуть работы В. Коньшева «Безопасность в Черноморском регионе в оценках “мозговых центров” США»²⁴ и А. Ирхина и О. Москаленко «Черноморско-Средиземноморский регион в современной западной аналитике»²⁵.

¹⁶ Будзович Ю. ГУАМ в контексті забезпечення безпеки та співробітництва Чорноморського регіону // Вісник Прикарпатського університету. Серія: Політологія. 2015. Вип. 9. С. 80–88.

¹⁷ Горюнова Є.О. Анексія Криму як загроза безпеці Балто-Чорноморського регіону // Інтермарум: історія, політика, культура. 2017. № 4. С. 8–17.

¹⁸ Kayser S. Geopolitics of the Black Sea // Maritime security center of excellence. URL: <https://www.marseccoe.org/marsec/upload/files/202006/5ed7a3131bed8-1591190291.pdf> (дата обращения: 11.05.2021).

¹⁹ Cross S. NATO–Russia security challenges in the aftermath of Ukraine conflict: Managing Black Sea security and beyond // Southeast European and Black Sea Studies. 2015. No. 15 (2). P. 151–177. DOI: 10.1080/14683857.2015.1060017

²⁰ Marten K. NATO Enlargement: evaluating its consequences in Russia // International Politics. 2020. No. 57. P. 401–426. DOI: 10.1057/s41311-020-00233-9

²¹ Naumescu V. NATO in the Black Sea region: Unpredictability and different levels of commitment among the three coastal allies // The journal of cross-regional dialogues. 2020. Special Issue. P. 131–152. DOI: 10.25518/2593-9483.141

²² Парахонський Б.О. Регіональні наслідки глобальних суперечностей: Чорноморський регіон // Стратегічна панорама: Науково-практичний журнал. 2016. № 2. С. 10–16.

²³ Sanders D. Maritime Power in the Black Sea (1st ed.). London: Routledge, 2014. DOI: 10.4324/9781315593920

²⁴ Коньшев В.Н. Безопасность в Черноморском регионе в оценках «мозговых центров» США // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: материалы Международной научно-практической конференции / под редакцией

Совсем без внимания остаётся украинская внешнеполитическая экспертиза. Вместе с тем на Украине создана её большая и разветвлённая система, включающая в себя множество государственных, неправительственных и академических аналитических центров и институтов. Исследования данной системы ведутся крайне спорадично. На Украине к ним можно отнести работы О. Маевской²⁶, П. Миненковой²⁷, Е. Олейника²⁸, А. Плюща²⁹, Н. Ржевской³⁰, В. Рубанова³¹, О. Федорчук³² и др., которые преимущественно направлены на теоретическое изучение зарубежного опыта функционирования аналитических центров и возможностей использования отдельных его элементов в условиях украинского экспертного сообщества. Проблема же влияния украинской внешнеполитической экспертизы на курс своего государства в международной среде, в частности, в плане вопросов, связанных с Черноморским регионом, так и осталась неисследованной. В России исследования украинской внешнеполитической экспертизы практически отсутствуют – этой проблематики лишь отчасти касаются учёные, изучающие украинские

А.В. Баранова, В.В. Касьянова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 32–35.

²⁵ *Ирхин А.А., Москаленко О.А.* Черноморско-Средиземноморский регион в современной западной аналитике // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань»: материалы научно-практической конференции, Севастополь, 20–21 сентября 2019 года / под редакцией Е.А. Барминой. Севастополь: СевГУ, 2019. С. 319–324.

²⁶ *Маєвська О.* Діяльність «мозкових центрів» на сучасному етапі: загрози та виклики // Вісник Львівського університету. Серія: Філософсько-політологічні студії. 2019. Вип. 26. С. 145–151. DOI: 10.30970/2307-1664.2019.26.18

²⁷ *Міненкова П.В.* Концептуальні засади та категоріальне визначення поняття «мозкові центри»: наукове переосмислення традиційних підходів // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Політологія. Соціологія. Право. 2018. № 1. С. 17–22.

²⁸ *Олійник Є.Ю.* Роль аналітичних недержавних політологічних центрів України в розвитку політичної науки // Гілея. 2011. Вип. 51. С. 473–478.

²⁹ *Плющ О.* Просування експертними організаціями дискурсу політичних суб'єктів // Соціальна психологія. 2012. № 1–2 (51–52). С. 204–214.

³⁰ *Ржевська Н.* «Мозкові центри» як суб'єкти експертного середовища: функціональний аналіз // Політичний менеджмент. 2012. № 1–2. С. 161–169.

³¹ *Рубанов В.В.* Институционализация – базовое понятие характеристики процесса становления и развития политической аналитики в Украине // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2012. № 4 (14). С. 165–169.

³² *Федорчук О.* Недержавні аналітичні центри України як сегмент політичної науки // Вісник Львівського університету. Серія: Філософсько-політологічні студії. 2017. Вип. 10. С. 182–187.

политологические аналитические центры: К. Курылев, К. Гаврикова, Е. Поспелова³³, В. Солодкий³⁴, И. Фокин³⁵ и др.

Принимая во внимание наработки в сфере изучения внешнеполитической экспертизы указанных выше исследователей, автор преследовал цель определить специфику потенциального влияния на военную безопасность России представлений о ней и о Черноморском регионе, существующих в геополитической картине мира экспертов основных аналитических центров Украины, занимающихся российскими и черноморскими исследованиями. Для достижения поставленной цели автором был применён синтетический теоретико-методологический подход, объединяющий отдельные принципы и положения критической геополитики³⁶, теории «эпистемных сообществ» П. Хааса³⁷ и теории секьюритизации Б. Бузана³⁸ и О. Уэвера³⁹. Сочетая их, украинскую систему внешнеполитической экспертизы можно представить как эпистемное сообщество –

сеть профессионалов с признанным опытом и компетенцией в определённой области и авторитетными претензиями на политически значимые знания в этой области или проблемном вопросе⁴⁰

(в данном случае – в сфере внешней политики Украины). Члены этого сообщества, участвуя в геополитическом дискурсе, транслируют правящему

³³ Курылев К.П., Гаврикова К.В., Поспелова Е.А. Экспертно-аналитические центры на Украине: характер и особенности // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15, № 3. С. 99–109.

³⁴ Солодкий В.А. Фонд имени Разумкова как инструмент политики «мягкой силы» Запада на Украине // Причерноморье. История, политика, культура. 2017. № 23. С. 53–57. DOI: 10.5281/zenodo.1164053

³⁵ Фокин И.А. Институциональная инфраструктура политической науки в современной Украине // Политическая наука. 2015. № 3: Социальные и политические функции академических и экспертных сообществ. С. 252–266.

³⁶ Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России. С. 31–52.

³⁷ Haas P.M. Introduction: Epistemic communities and international policy coordination // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 1. Knowledge, Power, and International Policy Coordination. P. 1–35.

³⁸ Albert M., Buzan B. Securitization, sectors and functional differentiation // Security Dialogue. 2011. № 42 (4–5). P. 413–425. DOI: 10.1177/0967010611418710

³⁹ Wæver O. Securitization and desecuritization // On Security, edited by Ronnie D. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.

⁴⁰ Haas P.M. Introduction: Epistemic communities and international policy coordination. P. 3.

режиму, его лидерам, а также институтам «внешнеполитической триады»⁴¹ секьюритизированные представления о России, содержащиеся в их геополитической картине мира, тем самым влияя на внешнюю политику Украины и создавая угрозы для военной безопасности⁴² России в Черноморском регионе.

Указанный исследовательский подход к проблеме обусловил постановку и решение следующих задач: 1) определение основных институтов внешнеполитической экспертизы Украины, занимающихся исследованиями политики России и стран Черноморского региона; 2) установление секьюритизированных представлений о России и Черноморском регионе, существующих в геополитической картине мира экспертов указанных центров; 3) определение главных угроз для военной безопасности России, потенциально проистекающих из рекомендаций украинских экспертов правящему режиму по ведению российско-украинских отношений, а также внешней и военной политики в Черноморье; 4) анализ текстов украинских доктрин и стратегий в сфере военной и внешней политики (утверждённых либо находившихся на стадии обсуждения в 2014–2021 гг.), в которых нашли применение данные рекомендации.

Аналитические центры Украины, исследующие Россию и Черноморский регион

С 2014 г. среди украинских институтов внешнеполитической экспертизы неуклонно растёт интерес к политическим процессам в России и Черноморском регионе. В настоящее время можно выделить три основных группы аналитических центров, которые в своей экспертной деятельности так или иначе касаются данных тем:

1. *Аналитические центры, ведущие фундаментальные исследования.* К ним после деструктивного для системы внешнеполитической экспертизы Украины президентства В. Януковича (2010–2014 гг.) теперь относятся только Национальный институт стратегических исследований (НИСИ) и Институт всемирной истории Национальной академии наук Украины (ИВИ НАН). НИСИ фокусируется на изучении геополитических основ украинской политики в Черноморье, а также на поиске геостратегических методов и средств противодействия России. С 2014 г. институтом проделана значительная работа по созданию и распространению среди украинской политической элиты и

⁴¹ Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. Москва: НОФМО, 2008. С. 36.

⁴² Военная доктрина Российской Федерации // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения: 14.06.2021).

экспертного сообщества политического мифа о «мировой гибридной войне» России против Запада и Украины. Такая точка зрения представлена как в научных статьях⁴³ и монографиях⁴⁴, так и в аналитических продуктах⁴⁵, которые НИСИ готовит для президента и Совета национальной безопасности и обороны. При этом меры стратегического противодействия России эксперты института предлагают, руководствуясь принципами политического реализма. Несмотря на то, что у НИСИ пока еще нет собственного единого стратегического видения геополитического будущего Черноморского региона, там сходятся во мнении о необходимости формирования в нём новой региональной системы коллективной безопасности на основе широкой антиросийской коалиции с участием как черноморских, так и нечерноморских стран. Фундаментальные исследования, связанные с актуальной российской и черноморской проблематикой, ведутся также и в ИВИ НАН, однако в силу научного профиля института они малочисленны и спорадичны. Основное внимание в них уделяется историческому анализу политических процессов на постсоветском пространстве⁴⁶ и ситуации с Крымом⁴⁷.

2. *Специализированные аналитические центры*, занимающиеся собственно российскими и черноморскими исследованиями. К ним относятся Одесский филиал НИСИ, Центр исследования России, Центр глобалистики «Стратегия XXI». И если о деятельности первого, начиная с 2020 г., мало что известно, то

⁴³ Горбулін В.П., Власюк О.С., Кононенко С.В. Російсько-українська війна в термінах теорії реалізму // Суспільно-політичні процеси. 2016. Вип. 2. С. 70–96; Горбулін В.П., Власюк О.С., Лібанова Е.М., Ляшенко О.М. Збройний конфлікт в Україні у термінах геополітики // Суспільно-політичні процеси. 2016. Вип. 3. С. 61–86; Парахонський Б.О. Регіональні наслідки глобальних суперечностей: Чорноморський регіон // Стратегічна панорама: Науково-практичний журнал. 2016. № 2. С. 10–16.

⁴⁴ Горбулін В.П. Світова гібридна війна: український фронт. Київ: НІСД, 2017; Парахонський Б.О., Яворська Г.М. Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, смисл. Київ: НІСД, 2019.

⁴⁵ Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України: аналіт. доп. Київ: НІСД, 2020; Парахонський Б.О. Системна криза міжнародної безпеки: Близькосхідно-Чорноморський простір: аналіт. доп. Київ: НІСД, 2016.

⁴⁶ Країни пострадянського простору в умовах формування багатополюсного світу: історичні уроки та перспективи: збірник наукових праць. Київ: ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2016; Інтеграційні виміри трансформації пострадянського простору. Київ: ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2020; Історичні передумови становлення зовнішньополітичної орієнтації країн пострадянського простору: збірник наукових праць. Київ: ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2020.

⁴⁷ Кудряченко А.І., Швед В.О., Солошенко В.В., Самойленко С.Г. Міжнародні аспекти інтеграції Донбасу і Криму в політико-правовий і соціокультурний простір України: аналітична доповідь. Київ: ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2019.

последний по праву может считаться ведущим внешнеполитическим экспертным институтом по проблемам Черноморья. Он на постоянной основе издаёт аналитический журнал «Черноморская безопасность»⁴⁸, регулярно готовит достаточно качественные, глубокие и информативные аналитические записки по этой тематике⁴⁹, а также реализует проект «Содействие безопасности в Черноморском регионе путём большей вовлеченности неправительственных игроков» при поддержке Черноморского Трастового Фонда Немецкого фонда Маршалла. Что касается Центра исследования России, то эта экспертная организация претендует на то, чтобы стать первым на Украине аналитическим центром, занимающимся комплексным изучением российской внешней, внутренней и оборонной политики. Вместе с тем на данном этапе она представляет собой лишь сетевую платформу, объединяющую представителей других институтов внешнеполитической экспертизы и их аналитические и публицистические материалы, связанные с Россией⁵⁰. В целом для аналитики специализированных центров характерны видение российско-украинских отношений сквозь ту же призму политического мифа о «мировой гибридной войне» и в то же время относительно прагматичные и выполненные в рамках реалистского подхода рекомендации по противодействию России.

3. *Аналитические центры широкого профиля.* К ним относятся Институт мировой политики, Международный центр перспективных исследований, Одесский центр по вопросам нераспространения, Совет внешней политики «Украинская призма», Украинский институт будущего, Центр исследований армии, конверсии и разоружения, Центр Разумкова и др. Общими чертами данных институтов внешнеполитической экспертизы являются по большей части некоммерческий характер деятельности, наличие тесных связей с западными политическими и экспертными структурами (порой до такой степени, что их можно считать агентами влияния последних на Украине), а также ориентация на выработку практических рекомендаций в сфере внешней и военной политики, политики безопасности. В своих работах аналитические

⁴⁸ Чорноморська безпека // Geostrategy. URL: <https://geostrategy.org.ua/chornomorska-bezpeka> (дата обращения: 14.06.2021).

⁴⁹ Аналітичний звіт: «Тенденції безпекової ситуації у Чорноморському регіоні» // Geostrategy. URL: <https://geostrategy.org.ua/analitika/analitichna-zapyska/analitichnyy-zvit-tendenciyi-bezpekovoji-sytuaciyi-u-chornomorskomu-regioni> (дата обращения: 14.06.2021); Стан чорноморської безпеки в нових умовах // Geostrategy. URL: <https://geostrategy.org.ua/analitika/analitichna-zapyska/stan-chornomorskoyi-bezpeky-v-novyh-umovah> (дата обращения: 14.06.2021); и др.

⁵⁰ Статті // Центр дослідження Росії. URL: http://r-studies.org/cms/index.php?action=category/browse&site_id=8&lang=ukr&category_id=20 (дата обращения: 14.06.2021).

центры широкого профиля периодически затрагивают проблемы Черноморского региона, при этом они также демонстрируют реализм в предложениях по противодействию России, но иррациональность в восприятии мотивов её внешней политики. Регион рассматривается ими в контексте либо конкретных политических и военно-политических ситуаций (например, Керченский кризис 2018 г.⁵¹), либо внешней политики Украины в целом⁵², либо отдельных – нечерноморских – её направлений (например, евроатлантического⁵³).

Представления о России и Черноморском регионе

Несмотря на то, что украинские аналитические центры уделяют значительное внимание России и её активности в Черноморском регионе, в российской политической науке до сих пор практически отсутствуют научные работы, направленные на выявление специфики того, какое отражение находит эта активность в их геополитической картине мира. Вместе с тем уже первые попытки исследований в этой сфере позволяют утверждать, что украинские эксперты-международники активно формулируют свои достаточно целостные и последовательные скрипты геополитических историй России и Черноморского региона, которые успешно передаются украинскому политикуму в целом и правящему на Украине режиму в частности через готовящиеся для них аналитические продукты. Изучение текстов последних позволяет выделить следующие секьюритизированные представления.

Россия рассматривается экспертами украинских аналитических центров по умолчанию как враждебное Украине государство, ведущее против неё и коллективного Запада «мировую гибридную войну». Для них она – «евразийская империя зла», обладающая «низкой стратегической культурой»⁵⁴, но при этом стремящаяся к реваншу⁵⁵, «разделению Европы на сферы влияния,

⁵¹ Самуль М. Російська агресія в Керченській протоці – тест для сучасної системи міжнародних відносин // Центр досліджень армії, конверсії та роззброєння. URL: <https://cacds.org.ua/?p=4886> (дата обращения: 14.06.2021).

⁵² Українська призма: Зовнішня політика 2020. Аналітичне дослідження. Київ: ГО «Рада зовнішньої політики “Українська призма”», Фонд ім. Ф. Еберта, 2021; Україна 2020–2021: невинуваті очікування, неочікувані виклики (аналітичні оцінки). Київ: Центр Разумкова, 2020.

⁵³ Шелест Г. Чи існує чорноморська політика НАТО? // Українська призма. URL: <http://prismua.org.tilda.ws/blackseanato> (дата обращения: 14.06.2021).

⁵⁴ Власюк О.С., Кононенко С.В. Кремлівська агресія проти України: роздуми в контексті війни. Київ: НІСД, 2017. С. 162.

⁵⁵ Горбулін В.П. Світова гібридна війна: український фронт. С. 94.

реинкарнации Советского Союза»⁵⁶. Вполне закономерно, что политической элите Украины не предоставляется никаких рациональных объяснений того, зачем это всё нужно России, вместо этого утверждается, что «понять смысл российской агрессивной войны против Украины через рациональные объяснения невозможно, поскольку никаких причин или формальных оснований для войны вообще не существует»⁵⁷. В качестве же иррациональных аргументов украинские эксперты приводят устоявшиеся ксенофобские антирусские мифы. В частности, они отмечают, что «в текущей нестабильной ситуации на международной арене виновата именно русская ментальность»⁵⁸, а также утверждают, что в основе мотивов современной российской внешней политики лежат

глубинные слои народного подсознания, где всегда дремлет противостояние «своих и чужих». Соответственно, в критическое время властями разжигается вражда против того, кто якобы ненавидит Россию, хочет покорить и захватить её богатства. В качестве такого врага исторически выступает Запад. Вместе с тем подспудно раздувается ненависть и к тем, кто просто живёт лучше или хочет жить лучше, чем Великая Россия. В наше время в эту категорию попала Украина, которая захотела жить «как в Европе» и начала двигаться в её сторону⁵⁹.

В текстах аналитических продуктов периодически также встречается тезис о том, что

российское влияние на положение в Украине стремится быть всеобъемлющим и монопольным, поэтому [Россия] не гнушается ни одной общественно значимой сферы – не только политической, финансовой или энергетической, но и спорта, кино, телевидения, социальных сетей. Но главной стратегической целью этого влияния является установление контроля над украинским государством⁶⁰.

⁵⁶ Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2017 році». Київ: НІСД, 2017. С. 242.

⁵⁷ Парахонський Б.О., Яворська Г.М. Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, смисл. С. 297.

⁵⁸ Інтеграційні виміри трансформації пострадянського простору. С. 292.

⁵⁹ Там же. С. 300.

⁶⁰ Російський спрут у дії. Кейс «Україна» // Geostrategy. URL: <https://geostrategy.org.ua/analitika/doslidzhennya/rosiyskyu-sprut-u-diyi-keys-ukrayina/zavantazhyty-doslidzhennya-rosiyskyu-sprut-u-diyi-keys-ukrayina> (дата обращения: 14.06.2021).

Таким образом, в геополитической картине мира экспертов украинских аналитических центров Россия – это иррационально действующий, а потому непредсказуемый актер, представляющий угрозу для украинской национальной и международной безопасности, по умолчанию стремящийся к экспансии и пересмотру существующего мирового порядка.

Черноморский регион рассматривается как главное геополитическое пространство, где происходит столкновение между Россией, с одной стороны, странами Запада и Украиной – с другой. У украинских экспертов нет единого подхода к концептуализации регионального геополитического пространства Черноморья. Оно рассматривается ими как минимум в семи различных вариациях: от просто «Черноморского региона» до «Междуморья»⁶¹ и «Ближневосточно-Черноморского региона»⁶². При этом эксперты убеждены, что для России этот регион – «мягкое подбрюшье», защитить которое она способна «только путём доминирования»⁶³. По мнению украинских экспертов, первый шаг в этом направлении был сделан в 2014 г., когда, установив контроль над Крымом, Россия кардинально изменила «геополитический ландшафт» региона и Европы в целом⁶⁴. В настоящее время она якобы также продолжает реализовывать свою «стратегию доминирования»⁶⁵, цель которой – «создание собственной сферы влияния»⁶⁶ путём «милитаризации» Крыма и Черноморья в целом, а также «гибридных угроз» для государств региона. В основе этой стратегии, считают на Украине, лежат шаги по ограничению доступа постсоветских стран к Чёрному морю⁶⁷, а также меры, направленные на вытеснение из его региона США, Великобритании и других нечерноморских

⁶¹ Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2016 році». Київ: НІСД, 2016. С. 127.

⁶² Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2017 році». С. 16.

⁶³ *Литвиненко О.* Чорноморська безпека: основні тренди 2030 // Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <https://niss.gov.ua/sites/default/files/2020-09/bsr-ukr.pdf> (дата обращения: 14.06.2021).

⁶⁴ Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2015 році». Київ: НІСД, 2015. С. 420; Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2017 році». С. 219.

⁶⁵ Аналітичний звіт: «Тенденції безпекової ситуації у Чорноморському регіоні» // Geostrategy.

⁶⁶ *Александров О., Филипенко А., Власенко Р.* Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 26.

⁶⁷ *Александров О., Филипенко А., Власенко Р.* Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 26.

государств. При этом у стран, входящих в регион, нет ни общего подхода, ни общего стремления противодействовать российской активности в Черноморье. В этих условиях главную ценность для внешней и военной политики Украины, по мнению её экспертов-международников, представляют Китай⁶⁸, «страны-члены НАТО, которые вовлечены в патрулирование и помощь в сфере безопасности в Черноморском регионе, в первую очередь, США и Великобритания»⁶⁹, а также Румыния и – главное – Турция:

Для Турции приоритетом является контроль Чёрного моря и конкуренция с РФ. Невозможно объективно оценить военно-морской потенциал Турции и РФ в Чёрном море из-за наличия баз и группировок и за его пределами и возможности переброски соответствующих платформ и сил в случае необходимости к Чёрному морю⁷⁰.

При этом определяющее влияние на готовность Турции вмешиваться в военно-политические процессы в Черноморском регионе, по мнению украинских экспертов, имеет т.н. «черноморский консенсус» – неформальное, непубличное и во многом интуитивное соглашение с Россией, по которому Турция активно не противодействует ей в Черноморье и стремится к поддержанию существующего статус-кво, получая взамен больше возможностей для реализации своих национальных интересов на других геостратегических направлениях:

в Черноморском регионе ... Россия и Турция развивают партнерские отношения по развитию транзитной сети для транспортировки энергоресурсов. Милитаризация акватории Чёрного моря Российской Федерацией дестабилизирует ситуацию, но пока Анкара не демонстрирует желания активно противостоять Москве по этому вопросу⁷¹.

Таким образом, в геополитической картине мира экспертов украинских аналитических центров Черноморский регион – это пространство, где их страна сталкивается с максимально полным спектром российских как чисто военных, так и «гибридных угроз», при этом ей фактически не на кого опереться в этом «противостоянии».

⁶⁸ Литвиненко О. Чорноморська безпека: основні тренди 2030.

⁶⁹ Шелест Г. Чорноморська безпека: спроможності сусідів України на морі. Аналітична записка // Українська призма. URL: <http://prismua.org/03-02-2021/> (дата обращения: 14.06.2021).

⁷⁰ Шелест Г. Чорноморська безпека: спроможності сусідів України на морі.

⁷¹ Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 15.

Рекомендации украинских аналитических центров: угрозы для России

Секьюритизированные представления о Черноморье и России, существующие в геополитической картине мира экспертов-международников украинских аналитических центров, обуславливают меры, которые те предлагают принимать правящему на Украине политическому режиму в целях противодействия российским национальным интересам в регионе. Обобщая и систематизируя эти рекомендации украинской системы внешнеполитической экспертизы, можно выделить ряд потенциальных военных угроз⁷² для России, которые могут возникнуть в случае их реализации.

1. Угроза регионального вооружённого конфликта с участием в т.ч. нечерноморских государств. Не обладая достаточной военной мощью для самостоятельного и эффективного обеспечения собственной безопасности в Черноморском регионе и противодействия России в нём, Украина стремится привлечь в него максимально возможные силы нечерноморских государств (в первую очередь США), равно как и добиться от черноморских государств, во-первых, увеличения их военных потенциалов, а во-вторых, готовности реально противостоять российской активности. Этот стратегический курс черноморского направления украинской внешней и военной политики основывается и периодически подкрепляется следующими рекомендациями аналитических центров:

– активизировать участие Украины в военных проектах НАТО в Черноморском регионе, начать брать на себя инициативу в вопросах как стратегического планирования, так и оперативной работы. В частности, украинские эксперты считают необходимым

предложить НАТО рассмотреть возможность привлечения Украины к разработке Стратегии Альянса в Черноморском регионе, а также активизировать участие Украины в мероприятиях по оценке ситуации безопасности в регионе⁷³,

усилить обмен оперативной разведывательной информацией, в том числе по освещению подводной, надводной обстановки, радиоперехватов и т.д., в Черноморском регионе. Проанализировать возможность разработки совместной системы ПВО-мониторинга⁷⁴,

⁷² Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения: 14.06.2021).

⁷³ Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 34.

⁷⁴ Шелест Г. Чи існує Чорноморська стратегія НАТО?

рекомендовать Североатлантическому альянсу продолжить усиление военно-морского присутствия в Черноморском регионе для противостояния российской военной агрессии и обеспечения там необходимого баланса сил (в том числе за счёт формирования постоянной военно-морской группировки, размещения систем ПВО / ПРО, ударных комплексов, проведения учений по созданию собственной региональной А2 / АД-зоны в Чёрном море)⁷⁵.

Это может привести к общему повышению степени милитаризации Черноморья, а привлечение представителей Украины к работе структур НАТО – к организации антироссийских провокаций, но уже с участием сил Альянса;

– интенсифицировать взаимодействие и повысить уровень готовности к проведению совместных военных операций с военно-морскими силами стран НАТО: Великобритании, Германии, Румынии, США, Турции. Отмечается, что

для Украины сегодня остаётся приоритетным сотрудничество в военно-морской сфере с двумя черноморскими государствами, Турцией и Румынией, и странами-членами НАТО, которые вовлечены в патрулирование и помощь в сфере безопасности в Черноморском регионе, в первую очередь, с США и Великобританией. Украина активно участвует во всех учениях в Чёрном море, главным из которых являются ежегодные американо-украинские учения «Си Бриз», которые привлекают представителей всех стран-партнеров. Последние 3 года важным элементом [сотрудничества между Украиной и Румынией] являются общие украино-румынские учения на Дунае «Riverine». Кроме того, в Чёрном море постоянно проходят учения типа PASSEX, в которых ВМС Украины активно участвуют⁷⁶.

В настоящее время именно такие учения формируют выгодные условия и повышают вероятность реального прямого боевого столкновения с российскими вооружёнными силами. Во-первых, в ходе данных мероприятий кратковременно резко повышается степень милитаризации Черноморского региона, а соответственно, и уровень готовности Черноморского флота России противодействовать военным угрозам, во-вторых, создаются дополнительные возможности для Украины и её союзников организовывать и осуществлять провокации, буквально подставляя под удар свои силы. Показательным примером может служить ситуация с британским эсминцем «Defender», который в преддверии учений «Sea Breeze 2021» вторгся в российские воды в

⁷⁵ Аналітичний звіт: «Тенденції безпекової ситуації у Чорноморському регіоні».

⁷⁶ Шелест Г. Чорноморська безпека: спроможності сусідів України на морі.

районе м. Фиолент и был изгнан из них только с помощью предупредительного огня и авиаударов.

2. *Угроза создания региональной антироссийской системы коллективной безопасности.* Справедливо отмечая, что на сегодняшний день у государств Черноморья нет единого видения России и, как следствие, общего стремления и тем более подхода к противодействию ей, украинские эксперты считают решение этой «проблемы» одной из важнейших задач украинских властей во внешнеполитической сфере. С этой целью они предлагают властям Украины следующие рекомендации:

– усилить партнёрские связи с государствами Черноморского региона, входящими в НАТО, а также их союзниками из сопредельных регионов. В частности, речь идёт об

интенсификации партнёрства в сфере безопасности в трёхстороннем формате (Украина – Турция – Азербайджан) с перспективами его договорного оформления, с целью преобразования такого партнёрства в фактор стабилизации Черноморско-Каспийского пространства⁷⁷.

Подобное сотрудничество впервые активизировалось ещё весной 2018 г., когда в Баку состоялись первые консультации на уровне заместителей министров иностранных дел⁷⁸, в дальнейшем оно получило правовую поддержку в ст. 36 «Стратегии национальной безопасности Украины», утверждённой указом президента №392/2020 от 14 сентября 2020 г.⁷⁹. Кроме Турции, большое значение для украинских экспертов имеет партнёрство с Румынией. И если первая интересна Украине прежде всего в плане военного сотрудничества и давления на Россию по крымскому вопросу, то вторая – в плане развития приграничных территорий и «сотрудничества по вопросам информационной и кибербезопасности, защиты критической инфраструктуры, безопасности судоходства, реагирования в чрезвычайных ситуациях»⁸⁰. Такие акценты во многом могут быть обусловлены тем, что украинские эксперты

⁷⁷ Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 36.

⁷⁸ Україна, Азербайджан і Туреччина провели у Баку тристоронні консультації // Укрінформ. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-polytics/2454208-ukraina-azerbajdzan-i-tureccina-proveli-u-baku-tristoronni-konsultacii.html> (дата обращения: 14.06.2021).

⁷⁹ Указ Президента України № 392/2020 «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 14 вересня 2020 року «Про Стратегію національної безпеки України» // President.gov.ua. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/3922020-35037> (дата обращения: 14.06.2021).

⁸⁰ Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 36.

осознают, что в настоящее время румынские вооружённые силы, особенно флот, пока ещё не в полной мере готовы для активного и, главное, эффективного сотрудничества в военной сфере:

Большинство румынских кораблей были построены в 1970–1980 гг. В последние годы Румыния начала обновление своего флота, что связано как с российской агрессией против Украины, так и с желаниями иметь весомую позицию внутри НАТО. Именно с оглядкой на последнее Румыния и планирует развитие своих ВМС, которые должны иметь способности действовать не только в Чёрном море, но и за его пределами⁸¹.

При этом украинские эксперты считают, что их стране следует отказаться от региональной конкуренции с Румынией⁸², в частности по вопросам, связанным со статусом о. Змеиный и прилегающих к нему вод. Наиболее проблемным, но оттого не менее значимым для внешней политики Украины, является сотрудничество с Болгарией. Исторические связи болгарского и русского народов вызывают значительное беспокойство у украинских экспертов⁸³, поскольку не способствуют легитимному привлечению страны к антироссийским инициативам Украины, НАТО и ЕС, в частности в плане ужесточения санкций⁸⁴. Для снижения влияния данных связей украинские аналитические центры предлагают в своих докладах особое внимание уделять сфере информационной безопасности

с целью противодействия российским информационным воздействиям и разведывательной деятельности; увеличению присутствия [Украины] в болгарском информационном пространстве; укреплению гуманитарных связей, прежде всего между высшими учебными заведениями, научными

⁸¹ Шелест Г. Чорноморська безпека: спроможності сусідів України на морі.

⁸² Аналітична доповідь Національного інституту стратегічних досліджень до позачергового Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України у сфері національної безпеки». Київ: НІСД, 2014. С. 132; Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2015 році». С. 412; Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2016 році». С. 130.

⁸³ Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2017 році». С. 245.

⁸⁴ Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2018 році». Київ: НІСД, 2018. С. 176.

учреждениями и общественными организациями; поощрению болгарских исследователей к изучению политики и истории Украины⁸⁵.

Также, вероятнее всего, с Болгарией, которая чуть было не запретила в 2014 г. реализовать международный энергетический проект «Южный поток», связаны предложения украинских экспертов по принятию мер, заставляющих черноморские страны

воздерживаться от реализации совместных с РФ инфраструктурных проектов, которые Москва использует для расширения своей экспансии⁸⁶,

сформировав таким образом единый с Грузией и Молдавией подход к двусторонним отношениям с Россией. «Общность исторической судьбы» Украины и этих стран периодически подчёркивается в украинских аналитических документах⁸⁷ (хотя в отдельных случаях молдавская проблематика рассматривается исключительно в привязке к румынскому направлению украинской внешней политики⁸⁸), история и текущее состояние их отношений с Россией, неизменный евроатлантический и европейский вектор интеграции, а также общие проблемы в сфере обороны и безопасности естественным образом обуславливают максимально тесное сотрудничество между ними. И хотя прямо это не заявляется, украинские эксперты рекомендуют перейти от сотрудничества к союзничеству и организации объединения государств, «пострадавших от российской агрессии», предусматривающего 1) общую внешнеполитическую позицию по отношению к России; 2) общие инициативы «по выводу российских войск и вооружений из оккупированных частей [Донбасса]»; 3) общую политику по «созданию условий для диверсификации источников энергоносителей и уменьшения

⁸⁵ Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 37.

⁸⁶ Аналітичний звіт: «Тенденції безпекової ситуації у Чорноморському регіоні».

⁸⁷ Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2018 році». С. 175–176; Україна та Молдова: нові виклики та можливості у двосторонніх відносинах // Українська призма. URL: <https://clck.ru/iJUJj> (дата обращения: 14.06.2021); Двосторонні відносини у регіоні: Грузія // Українська призма. URL: <http://prismua.org/ear-ua-ge/> (дата обращения: 14.06.2021).

⁸⁸ Аналітична доповідь Національного інституту стратегічних досліджень до щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє і зовнішнє становище України». Київ: НІСД, 2020. С. 17.

энергетической зависимости» от России; 4) «совместное противодействие деструктивным информационным воздействиям» России⁸⁹.

Воплощение рекомендаций в государственной политике Украины

Проанализированные выше угрозы российской военной безопасности в Черноморье становятся всё более значимыми по мере того, как начинают учитываться и воплощаться на практике лежащие в их основе рекомендации украинских институтов внешнеполитической экспертизы в военной и внешней политике, политике безопасности Украины. В период президентства П. Порошенко и В. Зеленского был разработан ряд стратегий и доктрин, определяющих основы данных направлений государственной политики.

29 ноября 2018 г. была представлена Стратегия военно-морских сил вооружённых сил Украины (ВМС ВСУ) 2035. По словам адмирала И. Воронченко, командовавшего в тот период украинским флотом, данный документ был создан «командованием военно-морских сил вместе с украинскими и иностранными экспертами»⁹⁰. Текст Стратегии действительно содержит множество элементов, типичных для геополитической картины мира украинских экспертов-международников: это тезисы о стремлении России к «доминированию» в Черноморье, о «милитаризации» региона, о «противодействии» нечерноморским государствам и т.д.; в документе также нашли отражение и рекомендации по взаимодействию с НАТО и странами-партнёрами Украины в регионе⁹¹. Стратегия предполагает формирование к 2035 г. полностью боеспособных и готовых к реальному масштабному военному противостоянию с Россией ВМС Украины. Вместе с тем с приходом к власти в стране В. Зеленского, снявшего И. Воронченко (креатуру П. Порошенко) с должности главкома ВМС, Стратегия стала менее актуальной для правящего на Украине режима.

4 сентября 2020 г. В. Зеленский своим указом № 392/2020 утвердил Стратегию национальной безопасности Украины⁹² – ключевой документ, который определяет фундаментальные основания политики безопасности

⁸⁹ Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 36.

⁹⁰ Презентована «Стратегія Військово-Морських Сил Збройних Сил України 2035» // Міністерство оборони України. URL: <https://www.mil.gov.ua/news/2018/11/29/vijskovo-morski-sili-zbrojnih-sil-ukraini-prezentovana-strategiya-rozvitku/> (дата обращения: 14.06.2021).

⁹¹ Стратегія Військово-Морських Сил Збройних Сил України 2035 // Міністерство оборони України. URL: <https://navy.mil.gov.ua/strategiya-vijskovo-morskyh-syl-zbrojnyh-syl-ukrayiny-2035/> (дата обращения: 14.06.2021).

⁹² Указ президента України № 392/2020 Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 14 вересня 2020 року «Про Стратегію національної безпеки України».

государства. Базовый проект Стратегии разрабатывался сотрудниками НИСИ⁹³. Данный документ – это одновременно и канал влияния экспертов на политику, и его результат. Стратегия является продуктом уже одобренного и принятого властями политического решения, разработанного самими экспертами, а потому на её примере можно проследить, какие именно представления из их геополитической картины мира стали частью официальной геополитической картины мира правящего режима, основанием его государственной политики в сфере безопасности. Для Стратегии, как и для аналитических документов НИСИ, характерно 1) видение России в качестве «государства-агрессора – источника долгосрочных системных угроз национальной безопасности Украины», региональной и международной безопасности; 2) отсутствие единого подхода к концептуализации черноморского геополитического пространства: оно рассматривается то как самостоятельное, то в привязке к балтийскому или каспийскому; 3) отношение к Черноморью как к главному пространству, где происходит противостояние с Россией⁹⁴. В документе находят отражение рекомендации, связанные с евроатлантической интеграцией Украины и вовлечением стран НАТО в военно-политические процессы в Черноморском регионе, а также подчёркивается необходимость всестороннего сотрудничества с Великобританией, США и Турцией.

25 марта 2021 г. указом президента №121/2021 была утверждена Стратегия военной безопасности Украины⁹⁵. Данный документ сохраняет аналогичные секьюритизированные представления о России и Черноморском регионе. Отмечается, что российская

агрессивная внешняя и военная политика ... угрожает национальной безопасности Украины и других государств Балтийского и Черноморского регионов, может привести к дальнейшей эскалации вооружённой агрессии против Украины и спровоцировать международный вооружённый конфликт в Европе⁹⁶.

⁹³ Президент України Володимир Зеленський затвердив Стратегію національної безпеки України // Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <https://niss.gov.ua/news/novini-nisd/prezident-ukraini-volodimir-zelenskiy-zatverdiv-strategiyu-nacionalnoi-bezpeki> (дата обращения: 14.06.2021).

⁹⁴ Указ президента України № 392/2020 Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 14 вересня 2020 року «Про Стратегію національної безпеки України».

⁹⁵ Указ президента України № 121/2021 Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 25 березня 2021 року «Про Стратегію воєнної безпеки України» // President.gov.ua. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/1212021-37661> (дата обращения: 14.06.2021).

⁹⁶ Там же.

Документ также подтверждает курс на максимальную готовность к кооперации с НАТО, участию в военных миссиях блока,

достижению совместимости Вооружённых Сил Украины, других составляющих сил обороны с соответствующими структурами государств – членов НАТО, введению в действие новых военных уставов (доктрин) на основе евроатлантических принципов⁹⁷.

Большое внимание в Стратегии уделено военно-морским вопросам: обеспечению контроля над «ближней морской зоной», развитию ВМС, защите национальных интересов Украины в Азовском и Чёрном морях. В целом Стратегия рассчитана на долгосрочное и системное противостояние с Россией в Черноморье и в полной мере соответствует рекомендациям украинских аналитических центров.

В марте 2021 г. был официально опубликован для общественного обсуждения проект Стратегии информационной безопасности Украины. В нём отмечается, что

политика Российской Федерации остаётся долгосрочной угрозой не только для Украины, но и большинства демократических стран. Российские информационные специальные операции, которые являются составной [частью] военных операций, направлены на все ключевые демократические практики (в том числе избирательные), а российские специальные службы пытаются усилить внутренние противоречия в странах демократического лагеря⁹⁸.

В соответствии с таким секьюритизированным образом России документ предлагает широкий спектр стратегических мер по противодействию ей: от антироссийской пропаганды, адресованной зарубежной аудитории, до «войн памяти»⁹⁹ с самой Россией.

В апреле 2021 г. была завершена работа над Доктриной ВМС вооружённых сил Украины, в которой принимали участие Институт ВМС Национального университета «Одесская морская академия», кафедра ВМС Национального

⁹⁷ Указ президента України №121/2021 «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 25 березня 2021 року «Про Стратегію військової безпеки України».

⁹⁸ Указ президента України «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України «Про Стратегію інформаційної безпеки» // Міністерство культури та інформаційної політики. URL: <https://mkip.gov.ua/files/pdf/45698712365.pdf> (дата обращения: 14.06.2021).

⁹⁹ Чураков Д.О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей / под редакцией К.А. Пахалюка. Санкт-Петербург: Нестор–История, 2018. С. 421–431.

университета обороны Украины им. И. Черняховского и командование ВМС ВСУ. И хотя на момент подготовки статьи данный документ отсутствовал в открытом доступе, комментарии официальных представителей украинских ВМС на его счёт не вызывают сомнения в том, что он подготовлен на основании той же геополитической картины мира и тех же рекомендаций в сфере внешней и военной политики, что и другие подобные акты в сфере военной политики и политики безопасности. В частности, представляя Доктрину, новый главком ВМС Украины контр-адмирал А. Неижпапа отметил, что

будущее Украины как суверенного государства напрямую зависит от способности свободно использовать море в рамках международного права, соблюдение которого в Черноморском регионе могут обеспечить прежде всего страны-члены НАТО и непосредственно само членство Украины в Североатлантическом альянсе¹⁰⁰.

Заключение

По итогам проведённого исследования представляется возможным сделать следующие выводы:

1. В настоящее время на Украине сформировано и эффективно функционирует направление внешнеполитической экспертизы, занимающееся российскими и черноморскими исследованиями. Институты, входящие в него, представляют как государственный, так и частный, и неправительственный экспертные секторы. Проблемы российско-украинских отношений и российской политики в Черноморье изучаются на Украине системно: одни аналитические центры фокусируются на фундаментальной науке (прежде всего, геополитике) и выработке стратегии долгосрочного противодействия национальным интересам России в Черноморском регионе, другие – на прикладных политических исследованиях, направленных на поиск подходящих методов и тактик в сфере внешней и военной политики.

2. Изучаемое направление украинской внешнеполитической экспертизы имеет черты «эпистемного сообщества», поскольку входящие в него аналитические центры: 1) обладают общей геополитической картиной мира, 2) продуцируют и транслируют политической элите страны и правящему режиму общие секьюритизированные представления о России и Черноморском регионе, 3) склонны к иррациональному объяснению мотивов российской

¹⁰⁰ В Україні вперше розроблено Доктрину ВМС ЗСУ – Міноборони // Інтерфакс-Україна. URL: <https://ua.interfax.com.ua/news/general/740742.html> (дата обращения: 14.06.2021).

внешней и оборонной политики и реалистскому подходу к выработке рекомендаций по противодействию ей.

3. Черноморский регион занимает центральное место в геополитической картине мира экспертов-международников, представляющих основные аналитические центры Украины, а Россия рассматривается в их текстах как главная, системная и экзистенциальная угроза национальной безопасности их государства, региональной и международной безопасности. По их мнению, Россия – это иррациональный и реваншистски настроенный актер международной политики. В основе секьюритизированных представлений о России и Черноморском регионе лежит политический миф о «мировой гибридной войне», который создаётся и развивается самими аналитическими центрами и в первую очередь НИСИ. Они не могут найти подходящего для политики правящего на Украине режима рационального объяснения действиям России в Черноморье и в международной среде в целом, а потому склонны прибегать также и к ксенофобским мифам о русском народе.

4. Украинские эксперты убеждены, что в борьбе с Россией в Черноморском регионе их стране фактически не на кого положиться: входящие в него страны не имеют единого видения «российской угрозы» и не готовы активно противодействовать ей. Среди них особое внимание украинские эксперты уделяют Румынии и Турции, при этом первая может считаться более перспективным союзником, вторая же ограничена в своих возможностях «черноморским консенсусом» с Россией.

5. Рекомендации аналитических центров Украины органам государственной власти не только имеют жёсткий и последовательный антироссийский характер, но и создают реальные угрозы военной безопасности России в Черноморском регионе. С одной стороны, они направлены на провоцирование «здесь и сейчас» прямого вооружённого конфликта регионального масштаба, в котором союзниками Украины должны выступить в первую очередь нечерноморские страны: Великобритания, США, Германия и другие. С другой стороны, аналитические эксперты рекомендуют властям Украины идти по пути создания в Черноморском регионе двухуровневой антироссийской системы коллективной безопасности. Главным её уровнем должно стать военно-политическое партнёрство со странами – членами НАТО, а вторым – де-факто альянс с Грузией и Молдавией. В этих условиях Черноморье станет абсолютно враждебным для России геополитическим пространством, в котором точечные, ситуационные угрозы будут сочетаться с активным и непрерывным стратегическим противостоянием с НАТО и его партнёрами, в совокупности контролирующими большую часть береговой линии и акватории Чёрного моря.

6. Аналитические продукты украинских институтов внешнеполитической экспертизы, занимающихся черноморскими и российскими исследованиями, –

это не «работа в стол», но тщательно подготовленный фундамент для государственной политики. Исследование текстов доктрин и стратегий, принятых руководством Украины или же разработанных и находящихся на стадии принятия, свидетельствует о том, что они в полной мере воспроизводят геополитическую картину мира, присущую текстам экспертных организаций по той же проблематике. Рекомендации же, связанные с противодействием России в Черноморском регионе и сотрудничеством со странами – членами НАТО и другими антироссийски настроенными силами, безусловно принимаются во внимание украинскими военными и политиками. Это особенно показательно в случае с недавно принятой на Украине Стратегией национальной безопасности, которая разработана на основании видения вопросов российско-украинских отношений и ситуации в Черноморье, присущего НИСИ.

7. Противодействие попыткам Украины создавать угрозы военной безопасности России в Черноморском регионе должно в обязательном порядке учитывать геополитическую картину мира, которую транслируют правящему режиму украинские аналитические центры, а также рекомендации, которые они ему предоставляют. «Эпистемное сообщество», специализирующееся на черноморских и российских исследованиях на Украине, представляет угрозу для отечественных национальных интересов в целом и в Черноморье в частности, поскольку рассматривает Россию исключительно как врага и предлагает вполне эффективные меры по нанесению ей ущерба. В этих условиях актуальной задачей украинского направления российской внешней политики должна стать выработка концептуального и долгосрочного подхода к работе с экспертным сообществом Украины, который бы снизил его эффективность и легитимность как внутри страны, так и на международном уровне.

Introduction

After the overthrow of Viktor Yanukovich and the establishment of a Euro-Atlantic nationalist political regime in the country, Ukraine is, without exaggeration, the most hostile state to Russia in the whole Black Sea region. Questioning the new international legal and political status of Crimea and the Kerch Strait, not recognizing the borders in the Sea of Azov and the Black Sea, and seeking to engage Russia in a

full-scale and direct armed conflict, it poses a fundamental threat to regional and international security in the Black Sea region. The conflictogenic nature of Ukrainian foreign policy has been repeatedly confirmed both diplomatically (by sabotaging the implementation of the Minsk agreements and the agreements reached during the Normandy format meetings) and militarily (through periodic provocations and acts of aggression, such as the Kerch crisis in November 2018 or the creation of tension in Donbas and near Russian borders in April 2021). At the same time, this policy is not based on spontaneous political decisions, but it stems from the consistent and well-thought-out anti-Russian course of the ruling regime. A significant contribution to the formation of the existing geopolitical worldview of the ruling regime's representatives was made by a certain part of the Ukrainian expert community specializing in foreign policy and international relations.¹ Based on their ideological beliefs and attitudes, Ukrainian experts in international affairs and employees of think tanks instruct and advise state authorities and provide them with assessments of the current international political situation and recommendations on the conduct of foreign and military policy of Ukraine. Under these conditions, the urgent tasks for Russian political science and practice are to understand the vision of Russia and military security issues in the Black Sea region, peculiar to the Ukrainian system of foreign policy expertise and to develop options for countering Ukraine in this geopolitical space, which consider this understanding.

In modern Russian political science, the issues of international relations and Russia's security in the Black Sea region have been studied in sufficient detail. Today, from the standpoint of political science, the following scientists are engaged in the studies of the Black Sea region: N. Alexandrova-Arbatova,² A. Baranov,³ A. Gavrilva,⁴ P. Gudev,⁵ A. Irkhin,⁶ A. Ishin,⁷ E. Islyamova,⁸ A. Makarychev,⁹

¹ V.A. Kolosov, "Critical geopolitics: Fundamentals of the concept and experience of its application in Russia" [in Russian], *Politicheskaya nauka*, no. 4, *Regional'noe izmerenie politicheskogo protsessa* [Regional dimension of the political process] (2011): 31–52.

² N. Alexandrova-Arbatova, "Security Relations in the Black Sea region: Russia and the West after the Ukrainian crisis," *Southeast European and Black Sea studies*, no. 15 (2) (2015): 129–39, <https://doi.org/10.1080/14683857.2015.1060015>

³ A.V. Baranov, "Changes in the geopolitical balance of power in the Black Sea region in the context of the reunification of Crimea with Russia" [in Russian], *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, vol. 4 (14), no. 2 (2018): 5–18.

⁴ A. Gavrilva, "The role of the Black Sea region in the regional and global context" [in Russian], *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'*, vol. 9, no. 1–2 (2017): 44–47.

⁵ P.A. Gudev, "New risks and threats to Russia's security in the Azov-Black Sea region" [in Russian], *Puti k miru i bezopasnosti*, no. 2 (53) (2017): 37–45.

⁶ A.A. Irkhin, L.P. Nelina, and I.A. Chikharev, "Russia and the Mediterranean macro-region (1920–2014)" [in Russian], *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya*, no. 12 (2018): 58–68.

D. Malyshev,¹⁰ G. Nuryshev,¹¹ V. Petrov,¹² I. Yurchenko,¹³ et al. Their works focus on diverse aspects of what is happening in the Black Sea region, from general analysis of the geopolitical position of the region¹⁴ to the study of specific political situations that arise there.¹⁵ At the same time, almost all authors one way or another point out the importance of Ukraine in creating military and political instability in the Black Sea region. The foreign scientists Yu. Budzovych,¹⁶ Ye. Horyunova,¹⁷ S. Kayser,¹⁸ S. Cross,¹⁹ K. Marten,²⁰ V. Naumescu,²¹ B. Parahons'kii,²² D. Sanders,²³

⁷ A.V. Ishin, "On the geopolitical strategy of NATO in the Black Sea basin" [in Russian], *Problemy postsovetskogo prostranstva*, vol. 7, no. 2 (2020): 219–26.

⁸ E.E. Islyamova, "The Black Sea region in the context of the National Security policy of the Russian Federation: Theory issues" [in Russian], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya*, vol. 46, no. 2 (2019): 375–83.

⁹ O. Bogdanova and A. Makarychev, eds., *Baltic-Black Sea regionalisms* (Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2020), <https://doi.org/10.1007/978-3-030-24878-9>

¹⁰ D.V. Malyshev, "The Kerch Crisis and the status of the Sea of Azov" [in Russian], *Postsovetskie issledovaniya*, vol. 2, no. 2 (2019): 982–89.

¹¹ G.N. Nuryshev, "Modern Black Sea coast: geopolitical dimension" [in Russian], *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie*, no. 2–2 (14) (2016): 16–21.

¹² V.P. Petrov, "Geopolitical significance of Crimea" [in Russian], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, vol. 20, no. 1 (2018): 21–30.

¹³ I.V. Yurchenko, "Geopolitical features of the Black Sea region in the context of ensuring the security of the South of Russia" [in Russian], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3 (2008): 18–24.

¹⁴ A.V. Ishin, "On the geopolitical situation in the Black Sea region: a Crimean view" [in Russian], *Problemy postsovetskogo prostranstva*, no. 1 (7) (2016): 38–46.

¹⁵ A.V. Baranov, "Geopolitical conflict in the Kerch Strait and the Sea of Azov: Causes, interests of participants, dynamics" [in Russian], *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, no. 1 (58) (2019): 89–94.

¹⁶ Yu. Budzovych, "GUAM in the context of security and cooperation of the Black Sea region" [in Ukrainian], *Visnyk Prykarpats'koho universytetu, Politologiya*, no. 9 (2015): 80–88.

¹⁷ Ye.O. Horyunova, "Annexation of Crimea as a threat to the security of the Baltic-Black Sea region" [in Ukrainian], *Intermarum: istoriya, polityka, kul'tura*, no. 4 (2017): 8–17.

¹⁸ S. Kayser, "Geopolitics of the Black Sea," Maritime security center of excellence, accessed May 11, 2021, <https://www.marseccoe.org/wp-content/uploads/2021/08/Geopolitics-of-the-Black-Sea.pdf>

¹⁹ S. Cross, "NATO–Russia security challenges in the aftermath of Ukraine conflict: Managing Black Sea security and beyond," *Southeast European and Black Sea Studies*, no. 15 (2) (2015): 151–77, <https://doi.org/10.1080/14683857.2015.1060017>

²⁰ K. Marten, "NATO enlargement: Evaluating its consequences in Russia," *International politics*, no. 57 (2020): 401–26, <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00233-9>

²¹ V. Naumescu, "NATO in the Black Sea region: unpredictability and different levels of commitment among the three coastal allies," *The journal of cross-regional dialogues*, special issue (2020): 131–52, <https://doi.org/10.25518/2593-9483.141>

and others share a diametrically opposite point of view on this matter. Many of them – and especially the researchers from Ukraine – consider Russia as the main threat to the interests of their states in the Black Sea region, trying to look for any ways and possibilities to stand against it. The author is convinced that this is one of the fundamental differences between the Ukrainian and Western applied political research into the problems in the Black Sea region and the Russian research that is focused exclusively on the search of legal and diplomatic means of resolving existing or potential conflicts and contradictions. In any case, neither Russian nor foreign political scientists analyzing political, military, and other processes in the Black Sea region take into consideration the factor of foreign policy expertise in the states that are involved in these processes. Among the positive exceptions in this regard, we should mention the work by V. Konyshev “Security in the Black Sea region in the estimates of ‘think tanks’ of the United States”²⁴ and the work by A. Irkhin and O. Moskalenko “The Mediterranean and Black Sea region in modern Western analytics.”²⁵

The Ukrainian foreign policy expertise is not being considered at all. However, Ukraine has a large and ramified system of foreign policy expertise, including many state, non-governmental, and academic analytical centers, think tanks, and institutes. The studies devoted to this system are extremely unsystematic. In Ukraine, they include the works by O. Mayevska,²⁶ P. Minenkova,²⁷ E. Oliinyk,²⁸ A. Plyushch,²⁹

²² B.O. Parahons'kii, “Regional consequences of global contradictions: the Black Sea region” [in Ukrainian], *Stratehichna panorama: Naukovo-praktychnyi zhurnal*, no. 2 (2016): 10–16.

²³ D. Sanders, *Maritime power in the Black Sea*, 1st ed. (London: Routledge, 2014), <https://doi.org/10.4324/9781315593920>

²⁴ V.N. Konyshev, “Security in the Black Sea region in the estimates of ‘think tanks’ of the United States” [in Russian], in *Black Sea-Mediterranean region in the system of national interests of Russia: history and modernity: to the 80th anniversary of the Great Patriotic War: Proceedings of the international scientific and practical conference*, ed. A.V. Baranov and V.V. Kas'yanov (Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2021), 32–35.

²⁵ A.A. Irkhin and O.A. Moskalenko, “The Mediterranean and Black Sea region in modern Western analytics” [in Russian], in *Humanitarian readings ‘Sevastopol Harbor’: Proceedings of the scientific practical conference, Sevastopol, September 20–21, 2019*, ed. E.A. Barmina (Sevastopol: SevGU, 2019), 319–24.

²⁶ O. Mayevska, “Activities of think tanks at the current stage: threats and challenges” [in Ukrainian], *Visnyk L'vivs'kogo universytetu. Seriya: Filosofs'ko-politohichni studiyi*, no. 26 (2019): 145–51, <https://doi.org/10.30970/2307-1664.2019.26.18>

²⁷ P.V. Minenkova, “Conceptual principles and categorical definition of the concept of think tanks: a scientific rethinking of traditional approaches” [in Ukrainian], *Visnyk Natsional'nogo tekhnichnoho universytetu Ukrayini ‘Kyyivs'kii politekhnichniyi instytut’. Politolohiya. Sotsiolohiya. Pravo*, no.1 (2018): 17–22. [https://doi.org/10.20535/2308-5053.2018.1\(37\).152816](https://doi.org/10.20535/2308-5053.2018.1(37).152816)

²⁸ E.Yu. Oliinyk, “The role of Ukrainian non-governmental political science think tanks in the development of political science” [in Ukrainian], *Hileya*, no. 51 (2011): 473–78.

N. Rzhevs'ka,³⁰ V. Rubanov,³¹ O. Fedorchuk,³² and others. These publications are mainly aimed at theoretical study of foreign experience of think tanks and possibilities of using its individual elements by the Ukrainian expert community. The problem of influence of Ukrainian foreign policy expertise on the political course of Ukraine in international environment, in particular, in terms of the issues related to the Black Sea region, remain unexplored. In Russia, there is hardly any research into Ukrainian foreign policy expertise. This problem is only partially mentioned in the works by the scientists studying Ukraine's political think tanks, such as K. Kurylev, K. Gavrikova, E. Pospelova,³³ V. Solodkii,³⁴ I. Fokin,³⁵ et al.

Considering the achievements of foreign policy expertise of the above-mentioned researchers, the author aimed to determine the specifics of potential influence on the military security of Russia by the perception of Russia and the Black Sea region existing in the geopolitical worldview of the experts of the most important Ukrainian think tanks engaged in Russian and Black Sea studies. In order to achieve this goal, the author used synthetic theoretical and methodological approach that combines separate principles and provisions of critical geopolitics,³⁶ the theory of epistemic communities by P. Haas,³⁷ and securitization theory by B. Buzan³⁸ and O. Wæver.³⁹

²⁹ O. Plyushch, "Promotion of the discourse of political subjects by expert organizations" [in Ukrainian], *Sotsial'na psykholohiya*, no. 1–2 (51–52) (2012): 204–14.

³⁰ N. Rzhevs'ka, "'Think tanks' as subjects of the expert environment: a functional analysis" [in Ukrainian], *Politychnyi menedzhment*, no. 1–2 (2012): 161–69.

³¹ V.V. Rubanov, "Institutionalization as the basic concept of the characteristics of the process of political analytics formation and development in Ukraine" [in Russian], *Visnyk Natsional'noho universytetu 'Yurydychna akademiya Ukrayiny imeni Yaroslava Mudroho'. Seriya: Filosofiya, filosofiya prava, politolohiya, sotsiolohiya*, no. 4 (14) (2012): 165–69.

³² O. Fedorchuk, "Non-governmental analytical centers of Ukraine as a segment of political science" [in Ukrainian], *Visnyk L'vivskoho universytetu. Seriya: Filosofs'ko-politologichni studiyi*, no. 10 (2017): 182–87.

³³ K.P. Kurylev, K.V. Gavrikova, and E.A. Pospelova, "Expert think tanks in Ukraine: format and features" [in Russian], *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 15, no. 3 (2015): 99–109.

³⁴ V.A. Solodkii, "The Razumkov Foundation as an instrument of Western 'soft power' policy in Ukraine" [in Russian], *Prichernomor'e. Istorija, politika, kul'tura*, no. 23 (2017): 53–57, <https://doi.org/10.5281/zenodo.1164053>

³⁵ I.A. Fokin, "The institutional infrastructure of political science in modern Ukraine" [in Russian], *Politicheskaya nauka*, no. 3, *Sotsial'nye i politicheskie funktsii akademicheskikh i ekspertnykh soobshchestv* (2015): 252–66.

³⁶ Kolosov, "Critical geopolitics: fundamentals of the concept and experience of its application in Russia": 31–52.

³⁷ P.M. Haas, "Introduction: epistemic communities and international policy coordination," *International Organization*, vol. 46, no. 1, *Knowledge, power, and international policy coordination* (1992): 1–35.

Combining these principles and provisions, the Ukrainian system of foreign policy expertise can be presented as an epistemic community,

a network of professionals with recognized experience and competence in a particular domain and an authoritative claim to policy-relevant knowledge in that domain or issue-area⁴⁰

(in this case, in the sphere of Ukrainian foreign policy). Participating in geopolitical discourse, the members of this community transmit securitized notions about Russia contained in their geopolitical worldview to the ruling regime and its leaders as well as to the institutions of the “foreign policy triad.”⁴¹ In doing so, they influence Ukrainian foreign policy and create certain threats to Russian military security in the Black Sea region.⁴²

The approach to the abovementioned problem determined the statement and solution of the following tasks: 1) to identify the main institutions of Ukrainian foreign policy expertise engaged in studying the policies of Russia and the Black Sea countries; 2) to reveal securitized perceptions of Russia and the Black Sea region that exist in the geopolitical worldview of the experts of the abovementioned institutions; 3) to identify the main threats to Russia's military security potentially arising from the recommendations of Ukrainian experts to the ruling regime on Russian-Ukrainian relations and foreign and military policy in the Black Sea region; 4) to analyze the texts of Ukrainian military and foreign policy doctrines and strategies (approved or under discussion in the period between 2014 and 2021) that took these recommendations into account.

Ukrainian think tanks studying Russia and the Black Sea region

Since 2014, Ukrainian foreign policy think tanks have been steadily increasing their interest in political processes in Russia and the Black Sea region. At present, three main groups of think tanks can be distinguished. All of them, in one way or another, cover the above-mentioned topics in their professional activities.

³⁸ M. Albert and B. Buzan, “Securitization, sectors and functional differentiation,” *Security Dialogue*, no. 42 (4–5) (2011): 413–25, <https://doi.org/10.1177/0967010611418710>

³⁹ O. Wæver, “Securitization and desecuritization”. In *On Security*, edited by Ronnie D. Lipschutz (New York: Columbia University Press, 1995), 46–86.

⁴⁰ Haas, “Introduction: Epistemic communities and international policy coordination,” 3.

⁴¹ M.A. Khrustalev, *Analysis of international situations and political expertise: essays on theory and methodology* [in Russian] (Moscow: NOFMO, 2008), 36.

⁴² “The Military Doctrine of the Russian Federation” [in Russian], *Sovet Bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii*, accessed June 14, 2021, <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/>

1. *Think tanks conducting fundamental research.* After Viktor Yanukovich's presidency (2010–14) that proved to be destructive for Ukraine's system of foreign policy expertise, this list only includes the National Institute for Strategic Studies (NISS) and the Institute of World History of the National Academy of Sciences of Ukraine (IWH NAS). The NISS focuses on studying the geopolitical foundations of Ukrainian policy in the Black Sea region as well as the search for geostrategic methods and means of countering Russia. Since 2014, the institute has done significant work to create and disseminate among the Ukrainian political elite and expert community the political myth of the “global hybrid war” Russia is waging against the West and Ukraine. This point of view is presented in various academic articles,⁴³ monographs,⁴⁴ and in analytical products⁴⁵ that the NISS prepares for the President and the National Security and Defense Council of Ukraine. The experts of the Institute offer measures of strategic counteraction to Russia, following the principles of political realism. Despite the fact that the National Institute for Strategic Studies does not have its own unified strategic vision of the geopolitical future of the Black Sea region, its experts agree that it is necessary to form a new regional system of collective security based on a broad anti-Russian coalition including the countries of the Black Sea region as well as the countries outside the region. Fundamental research of the topical issues connected both to Russia and to the Black Sea region is also conducted at the Institute of World History of the National Academy of Sciences of Ukraine. However, due to the scientific profile of the institute, this research is sporadic and not extensive. Main attention is paid to the historical analysis of political processes in the post-Soviet space⁴⁶ and to the situation with Crimea.⁴⁷

⁴³ V.P. Horbulin, O.S. Vlasyuk, and S.V. Kononenko, “Russian-Ukrainian war in terms of the theory of realism” [in Ukrainian], *Suspil'no-politychni protsesy*, no. 2 (2016): 70–96; V.P. Horbulin, et al., “Armed conflict in Ukraine in terms of geopolitics” [in Ukrainian], *Suspil'no-politychni protsesy*, no. 3 (2016): 61–86; B.O. Parahons'kii, “Regional consequences of global contradictions: the Black Sea region” [in Ukrainian], *Stratehichna panorama: Naukovo-praktychnyi zhurnal*, no. 2 (2016): 10–16.

⁴⁴ V.P. Horbulin, *The world hybrid war: Ukrainian forefront* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2017); B.O. Parahons'kii and G.M. Yavors'ka, *The ontology of war and peace: security, strategy, meaning: a monograph* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2019).

⁴⁵ O. Alexandrov, A. Filipenko, and R. Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region: threats and challenges for Ukraine: an analytical report* [in Ukrainian] (NISD, 2020); B.O. Parahons'kii, *Systemic crisis of international security: Middle East and Black Sea region: an analytical report* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2016).

⁴⁶ *Countries of the post-Soviet space in the conditions of formation of the multipolar world: historical lessons and perspectives: a collection of scientific works* [in Ukrainian] (Kiev: DU “Institut vsesvitn'oyi istoriyi NAN Ukrayiny”, 2016); *Integration dimensions of the transformation of post-Soviet space* [in Ukrainian] (Kiev: DU “Institut vsesvitn'oyi istoriyi NAN Ukrayiny”, 2020); *Historical preconditions for the formation of the foreign policy orientation of the post-Soviet space:*

2. *Special-purpose think tanks* conducting research devoted to Russia and the Black Sea region. They include the Odessa Branch of the National Institute for Strategic Studies, the Center for Russian Studies, and the Center for Global Studies “Strategy XXI.” Little has been known about the activities of the former since 2020, but the latter can rightfully be considered as the leading foreign policy expertise institute on the problems of the Black Sea region. It publishes the analytical *Black Sea Security* journal on a permanent basis,⁴⁸ regularly produces sufficiently thorough and informative briefs of high quality on the subject,⁴⁹ and implements the project under the title “Promoting security in the Black Sea region through the greater involvement of non-governmental actors” under the support of the Black Sea Trust for Regional Cooperation, which is part of the German Marshall Fund. As for the Centre for Russian Studies, this expert organization claims to be Ukraine’s first think tank dedicated to comprehensive research of Russian foreign, domestic, and defense policy. However, at the present stage, it just a networking platform bringing together representatives of other institutions of foreign policy expertise and aggregating their analytical materials and articles related to Russia.⁵⁰ Typically, in the analyses conducted by special-purpose think tanks Russian-Ukrainian relations are seen through the prism of the political myth of Russian “global hybrid war.” At the same time, such think tanks apply a realist approach to their relatively pragmatic recommendations on countering Russia.

3. *Multifunctional think tanks*. The list of such think tanks includes the Institute of World Politics, the International Center for Advanced Studies, the Odessa Center for Non-Proliferation, the Ukrainian Foreign Policy Council “Ukrainian Prism,” the Ukrainian Institute of the Future, the Center for Army, Conversion and Disarmament Studies, the Razumkov Center, etc. The common features of these institutions of foreign policy expertise include non-commercial nature of their activities, close ties

a collection of scientific papers [in Ukrainian] (Kiev: DU “Institut vsesvitn'oyi istoriyi NAN Ukrayiny”, 2020).

⁴⁷ A.I. Kudryachenko, et al., *International aspects of the integration of Donbas and Crimea in the political, legal and socio-cultural space of Ukraine: an analytical report* [in Ukrainian] (Kiev: DU “Instytut vsesvitn'oyi istoriyi NAN Ukrayiny”, 2019).

⁴⁸ “Black Sea security” [in Ukrainian], *Geostrategy*, accessed June 14, 2021, <https://geostrategy.org.ua/chornomorska-bezpeka>

⁴⁹ Analytical report “Security trends in the Black Sea region” [in Ukrainian], *Geostrategy*, accessed June 14, 2021, <https://geostrategy.org.ua/analytika/analychna-zapyska/analychnyy-zvit-tendenciyi-bezpekovoyi-sytuaciyi-u-chornomorskemu-regioni>; “The state of Black Sea security in the new conditions” [in Ukrainian], *Geostrategy*, accessed on June 14, 2021, <https://geostrategy.org.ua/analytika/analychna-zapyska/stan-chornomorskoyi-bezpeky-v-novyh-umovah>; et al.

⁵⁰ Articles, *Centre for Russian Studies*, accessed June 14, 2021, http://r-studies.org/cms/index.php?action=category/browse&site_id=8&lang=ukr&category_id=20

with Western political and expert structures (sometimes to such an extent that they can be considered their agents of influence in Ukraine), and a focus on the development of practical recommendations in the field of foreign, military, and security policy. In their works, such multifunctional think tanks periodically engage in studying the problems of the Black Sea region. They demonstrate certain realism in their proposals to counter Russia but irrationality in their perception of the motives of Russian foreign policy. They consider the region in the context of specific political and politico-military situations (e.g. the Kerch Crisis of 2018⁵¹), Ukraine's foreign policy as a whole,⁵² or certain (not related to the Black Sea region) directions of Ukraine's foreign policy (e.g. the Euro-Atlantic area⁵³).

Perceptions of Russia and the Black Sea region

Despite the fact that Ukrainian think tanks pay considerable attention to Russia and its activity in the Black Sea region, in Russian political science there are still hardly any scientific works aimed at revealing the specifics of how this activity is reflected in their geopolitical worldview. However, the first attempts of research in this field allow us to state that Ukrainian experts in international relations actively formulate their rather coherent and consistent scripts of geopolitical histories of Russia and the Black Sea region, which are successfully transmitted to Ukrainian politicians in general and the ruling regime of Ukraine in particular through the analytical reports prepared for them. An examination of these texts allows us to highlight the following securitized perceptions.

Russia is unreservedly viewed by the experts in Ukrainian think tanks as a state hostile to Ukraine, which is waging the “global hybrid war” against it and the collective West. For them, it is “the Evil Empire of Eurasia” with a “low strategic culture”⁵⁴ that seeks revenge,⁵⁵ “division of Europe into spheres of influence, and reincarnation of the Soviet Union.”⁵⁶ It is quite natural that the political elite of

⁵¹ M. Samus', “CACDS: Russian aggression in the Kerch Strait – a test for the modern system of international relations” [in Ukrainian], accessed June 14, 2021, <https://cacds.org.ua/?p=4886>

⁵² *Ukrainian prism: Foreign policy 2020. Analytical research* [in Ukrainian] (Kiev: GO “Rada zovnishn'oyi polityky ‘Ukrayin'ska Pryzma’”, Fond im. F. Eberta, 2021); *Ukraine 2020–2021: unjustified expectations, unexpected challenges (analytical assessments)* [in Ukrainian] (Kiev: Tsentrazumkova, 2020).

⁵³ G. Shelest, “Is there a Black Sea policy for NATO?” [in Ukrainian], *Ukrainian prism*, accessed June 14, 2021, <http://prismua.org.tilda.ws/blackseanato>

⁵⁴ O.S. Vlasyuk and S.V. Kononenko, *Kremlin aggression against Ukraine: reflections in the context of the war* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2017), 162.

⁵⁵ Horbulin, *The world hybrid war*, 94.

⁵⁶ *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the internal and external situation of Ukraine in 2017’* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2017), 242.

Ukraine is not given any rational explanations as to why Russia needs all this, but instead it is claimed that “it is impossible to understand the meaning of Russia’s aggressive war against Ukraine through rational explanations, as there are no reasons or formal grounds for the war at all.”⁵⁷ As irrational arguments, the Ukrainian experts cite well-established xenophobic anti-Russian myths. In particular, they note that “it is the Russian mentality that is to blame for the current unstable situation in the international arena.”⁵⁸ They also claim that the motives behind Russia’s current foreign policy are based on

the deepest layers of the people’s subconscious mind, where there is always a slumbering confrontation between “us” and “them.” Accordingly, in critical times, the authorities seek to encourage enmity against those who allegedly hate Russia and want to conquer and seize its treasures. The West has historically been viewed as such an enemy. At the same time, hatred is also implicitly provoked against those who simply live better or want to live better than Great Russia. In our time, this category includes Ukraine, which wanted to live “like in Europe” and has already started moving towards it.⁵⁹

From time to time, the texts of analytical products contain the point that

Russian influence in Ukraine seeks to be all-encompassing and monopolistic, which is why [Russia] does not disdain any single publicly significant sphere of interest – not only politics, finance, or energy sector, but also sports, cinema, television, and social media. But the main strategic goal of this influence is to take control of the Ukrainian state.⁶⁰

Thus, in the geopolitical worldview of Ukrainian think tank experts, Russia is an irrational and therefore unpredictable actor that poses a threat to Ukrainian national and international security and seeks to expand and overhaul the existing world order.

The Black Sea region is seen as the main geopolitical space where there is an open confrontation between Russia on one side and Western countries and Ukraine on the other. The Ukrainian experts have no unified approach to conceptualization of the regional geopolitical space of the Black Sea region. There are at least seven different variations of how they see it: simply the “Black Sea region,”

⁵⁷ Parahons'kii and Yavors'ka, *The ontology of war and peace*, 297.

⁵⁸ *Integration dimensions of the transformation of post-Soviet space*, 292.

⁵⁹ *Integration dimensions of the transformation of post-Soviet space*, 300.

⁶⁰ “Russian octopus in action. Case ‘Ukraine’” [in Ukrainian], *Geostrategy*, accessed June 14, 2021, <https://geostrategy.org.ua/analytika/doslidzhennya/rosiyskyy-sprut-u-diyi-keys-ukrayina/zavantazhyty-doslidzhennya-rosiyskyy-sprut-u-diyi-keys-ukrayina>

“Intermarium,”⁶¹ or even the “Middle East – Black Sea region.”⁶² The Ukrainian experts are convinced that for Russia, this region is a “soft underbelly,” which it can defend “only through full domination” in the region.⁶³ According to the same Ukrainian experts, the first step in this direction was taken in 2014, when, having established control over Crimea, Russia radically changed the “geopolitical landscape” of the region and of Europe as a whole.⁶⁴ Currently, it also allegedly continues to pursue its “strategy of domination,”⁶⁵ which aims to “create its own sphere of influence.”⁶⁶ This is done through the “militarization” of Crimea and of the Black Sea region as a whole, as well as through “hybrid threats” to other countries of the region. This strategy, according to Ukraine, is based on certain steps aimed at limiting access of post-Soviet countries to the Black Sea,⁶⁷ as well as on measures aimed at ousting the United States, the United Kingdom and other countries situated outside the Black Sea region from this area. At the same time, the countries that belong to the Black Sea region have neither a common approach nor a common desire to counter any Russian activity in this area. Under these conditions, the main value for Ukraine’s foreign and military policy, in the opinion of its experts in international relations, are such countries as China,⁶⁸ “NATO member countries, which are involved in guarding and assisting with security in the Black Sea region, first of all the United States, the United Kingdom,”⁶⁹ as well as Romania and, most importantly, Turkey.

Turkey’s priority is to control the Black Sea and compete with Russia. It is not possible to objectively assess the naval capabilities of Turkey and Russia in the Black Sea because of the presence of bases and alignments outside the Black Sea

⁶¹ *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the internal and external situation of Ukraine in 2016’* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2016), 127.

⁶² *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the internal and external situation of Ukraine in 2017’*, 16.

⁶³ O. Lytvynenko, *Black Sea security: main trends 2030* [in Ukrainian], *National Institute for Strategic Studies*, accessed June 14, 2021, <https://niss.gov.ua/sites/default/files/2020-09/bsr-ukr.pdf>

⁶⁴ *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the internal and external situation of Ukraine in 2015’* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2015), 420; *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the Internal and External Situation of Ukraine in 2017’*, 219.

⁶⁵ Analytical report “Security trends in the Black Sea region.”

⁶⁶ Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 26.

⁶⁷ Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 26.

⁶⁸ Lytvynenko, “Black Sea security: main trends 2030.”

⁶⁹ G. Shelest, “Black Sea security: capabilities of Ukraine’s neighbors at sea. An analytical note” [in Ukrainian], *Ukrainian prism*, accessed June 14, 2021, <http://prismua.org/03-02-2021/>

region and the possibility of transferring relevant platforms and forces to the Black Sea if necessary.⁷⁰

According to Ukrainian experts, the determining influence on Turkey's readiness to interfere in military and political processes in the Black Sea region is the so-called "Black Sea consensus," an informal, non-public, and largely intuitive agreement with Russia, under which Turkey does not actively oppose Russia in the Black Sea and aims to maintain the existing status quo, receiving in return more opportunities for the realization of its national interests in other geostrategic directions:

in the Black Sea region . . . Russia and Turkey are developing a partnership aimed at developing a transit network for energy transportation. Militarization of the Black Sea by the Russian Federation is destabilizing the situation, but Ankara has shown no desire to actively confront Moscow on the issue so far.⁷¹

Thus, in the geopolitical worldview of Ukrainian think tank experts on international relations, the Black Sea region is a space where their country faces the fullest possible spectrum of Russian threats, both military threats proper and "hybrid threats," having no one to ask for support in this "confrontation."

Ukrainian think tank recommendations: threats to Russia

Securitized perceptions of the Black Sea region and of Russia that exist in the geopolitical worldview of the experts on international relations representing Ukrainian think tanks are reflected in the measures they suggest to the ruling political regime in Ukraine to counteract Russian national interests in the region. Summarizing and systematizing these recommendations of the Ukrainian system of foreign policy expertise, a number of potential military threats⁷² to Russia can be identified that might arise if such recommendations are implemented.

1. *The threat of an armed conflict in the region involving, among others, non-Black Sea states.* Having no sufficient military power to independently and effectively ensure its own security in the Black Sea region and to counteract Russia there, Ukraine seeks to attract maximum possible forces of non-Black Sea states (primarily the USA) to the region as well as coerce the Black Sea states, firstly, to increase their military potentials and secondly, to be ready to actually counteract Russian activity in the region. This strategic course of Ukrainian foreign and military policy for the Black Sea region is based and periodically supported by the following recommendations of Ukrainian think tanks:

⁷⁰ Shelest, "Black Sea security: capabilities of Ukraine's neighbors at sea."

⁷¹ Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 15.

⁷² "The Military Doctrine of the Russian Federation."

– to intensify Ukraine's participation in NATO's military projects in the Black Sea region; to start taking the lead in strategic planning and operational work. In particular, Ukrainian experts consider it necessary

to propose NATO to consider a possibility of involving Ukraine in the development of the Alliance's Black Sea Strategy and to enhance Ukraine's participation in the assessment of the security situation in the region,⁷³

to intensify the exchange of operational intelligence, including the data on the underwater and surface situation, radio intercepts, etc., in the Black Sea region; to analyze the possibility of developing a joint air defense system,⁷⁴

to recommend to the North Atlantic Alliance to continue strengthening its naval presence in the Black Sea region in order to counter Russian military aggression and ensure the necessary balance of power there (inter alia, by establishing a permanent naval constellation in region, deploying air defense / missile defense systems, deploying missile systems, and conducting military exercises to create its own regional A2 / AD-zone in the Black Sea).⁷⁵

This can lead to a general increase in the militarization of the Black Sea region. The involvement of Ukrainian representatives in the work of NATO structures, in its turn, can result in anti-Russian provocations, but with the involvement of the Alliance's forces;

– to intensify mutual cooperation and improve preparedness for joint military operations with the navies of NATO countries: Great Britain, Germany, Romania, the United States, and Turkey. It is noted that

for Ukraine, cooperation in the naval sphere with two states of the Black Sea region, Turkey and Romania, and with NATO member states involved in guarding and assisting security in the Black Sea region, primarily the United States and the United Kingdom, remains a priority today. Ukraine actively participates in all military exercises in the Black Sea. The most important of them is the annual US–Ukrainian exercise “Sea Breeze,” which attracts representatives from all partner countries. For the last 3 years, the common Ukrainian–Romanian exercise “Riverine” in the Danube Basin has been an important element [of the cooperation between Ukraine and Romania]. In addition, PASSEX-type exercises, in which the Ukrainian Navy is actively involved, are constantly held in the Black Sea.⁷⁶

⁷³ Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 34.

⁷⁴ Shelest, “Is there a Black Sea policy for NATO?”

⁷⁵ Analytical report “Security trends in the Black Sea region.”

⁷⁶ Shelest, “Black Sea security: capabilities of Ukraine's neighbors at sea.”

At the moment, these military exercises form favorable conditions and increase the likelihood of a possible direct military confrontation with Russian armed forces. First, these events briefly dramatically increase the level of militarization of the Black Sea region, and consequently the level of readiness of the Russian Black Sea Fleet to counter any military threats. Second, these exercises create additional opportunities for Ukraine and its allies to organize and conduct provocations, literally exposing their own forces to possible attack. An example is the situation with the British destroyer *Defender*, which intruded into Russian waters near Cape Fiolent (Crimea) on the eve of the *Sea Breeze 2021* exercise and was driven out only by warning fire and air strikes.

2. *The threat of the creation of a regional anti-Russian collective security system.* The states of the Black Sea region currently have no common perception of Russia and, as a consequence, no common aspiration and, especially, no common approach to counter it. Rightly noting this, Ukrainian experts consider solving this “problem” one of the most important tasks of the Ukrainian authorities in the foreign policy sphere. To this end, they offer the following recommendations to the Ukrainian authorities:

– to strengthen any partnerships with NATO member states in the Black Sea region and with their allies from neighboring regions. In particular, these include

intensification of the security partnership in the trilateral format (Ukraine–Turkey–Azerbaijan) with the prospect of its contractual formalization, with a view to transforming such a partnership into a stabilizing factor in the Black Sea – Caspian Sea space.⁷⁷

Such cooperation first intensified in the spring of 2018, when the first consultations were held in Baku at the level of deputy ministers for foreign affairs,⁷⁸ and was later legally supported by Article 36 of the National Security Strategy of Ukraine approved by the Decree of the President of Ukraine of September 14, 2020, no. 392/2020.⁷⁹ In addition to Turkey, the partnership with Romania is also of great importance for Ukrainian experts. While Turkey is of interest to Ukraine primarily in terms of military cooperation and pressure on Russia in the matter of Crimea,

⁷⁷ Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 36.

⁷⁸ “Ukraine, Azerbaijan and Turkey held tripartite consultations in Baku” [in Ukrainian], *Ukrinform*, accessed June 14, 2021, <https://www.ukrinform.ua/rubric-polytics/2454208-ukraina-azerbajdzan-i-tureccina-proveli-u-baku-tristoronni-konsultacii.html>

⁷⁹ Decree of the President of Ukraine as of September 14, 2020, no. 392/2020 “On the decision of the National Security and Defense Council of Ukraine ‘On the National Security Strategy of Ukraine’” [in Ukrainian], *President.gov.ua*, accessed June 14, 2021, <https://www.president.gov.ua/documents/3922020-35037>

Romania is of interest mainly in terms of development of border territories and “cooperation on information and cyber security, protection of critical infrastructure, security of navigation, and response in emergencies.”⁸⁰ Such emphases may mostly be set due to the fact that Ukrainian experts are aware that the Romanian armed forces, especially the navy, are currently not fully prepared for any active and, most importantly, effective cooperation in the military sphere:

Most Romanian ships were built between 1970 and 1980. In recent years, Romania has begun renewing its navy, which is related both to Russian aggression against Ukraine and to its desire to have a stronger position within NATO. It is with the latter in mind that Romania is planning the development of its navy, which should have the ability to operate not only in the Black Sea region but also beyond it.⁸¹

At the same time, Ukrainian think tank experts believe that their country should give up regional competition with Romania,⁸² in particular on the issues related to the status of the Snake Island and its adjacent waters. The most problematic and therefore no less important for Ukraine's foreign policy is cooperation with Bulgaria. The historical ties between the Bulgarian and Russian peoples are of great concern to Ukrainian experts,⁸³ as they are not conducive to legitimate involvement of Bulgaria in anti-Russian initiatives by Ukraine, NATO, and the EU, particularly in terms of tougher sanctions against Russia.⁸⁴ To reduce the impact of these ties, Ukrainian think tanks propose in their reports to focus on information security

in order to counter Russian information influences and intelligence activities; to increase [Ukraine's] presence in the Bulgarian information space; to strengthen humanitarian ties, especially among higher education institutions, academic

⁸⁰ Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 36.

⁸¹ Shelest, “Black Sea security: capabilities of Ukraine's neighbors.”

⁸² *Analytical report of the National Institute for Strategic Studies to the Extraordinary Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the internal and external situation of Ukraine in the sphere of national security’* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2014), 132; *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the internal and external situation of Ukraine in 2015’*, 412; *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the Internal and External Situation of Ukraine in 2016’*, 130.

⁸³ *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the Internal and External Situation of Ukraine in 2017’*, 245.

⁸⁴ *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the Internal and External Situation of Ukraine in 2018’* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2018), 176.

institutions, and public organizations; and to encourage Bulgarian researchers to study Ukrainian politics and history.⁸⁵

Most likely, other proposals of Ukrainian experts are also related to Bulgaria, which almost banned the international South Stream pipeline project in 2014. These proposals offer certain measures to force the Black Sea countries

to abstain from implementing any joint infrastructure projects together with Russia, which Moscow is using for its expansion;⁸⁶

– together with Georgia and Moldova, to form a common approach to bilateral relations with Russia. The “common historical fate” of Ukraine and these countries is periodically emphasized in Ukrainian analytical documents⁸⁷ (although in some cases the Moldovan issue is considered exclusively in connection with the Romanian direction of Ukrainian foreign policy).⁸⁸ The history and current state of their relations with Russia, the established Euro-Atlantic and European integration vector, and common problems in the sphere of defense and security naturally determine the closest possible cooperation between these countries. Although it is not explicitly stated in any documents, Ukrainian experts recommend moving from cooperation to alliance and organization of an association of states “affected by Russian aggression.” This would lead to 1) a common foreign and security policy towards Russia; 2) common initiatives “to withdraw Russian troops and weapons from occupied territories [in the Donbas region]”; 3) a common policy on “creating conditions for diversification of energy sources and reduction of energy dependence” on Russia; 4) “joint counteraction to Russia’s destructive informational influences.”⁸⁹

Translating recommendations into public policy of Ukraine

The threats to Russian military security in the Black Sea region analyzed above are becoming more and more significant as the underlying recommendations of

⁸⁵ Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 37.

⁸⁶ Analytical report “Security trends in the Black Sea region.”

⁸⁷ *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the Internal and External Situation of Ukraine in 2018’*, 175–76; “Ukraine and Moldova: new challenges and opportunities in bilateral relations” [in Ukrainian], *Ukrainian prism*, accessed June 14, 2021, <http://prismua.org/україна-та-молдова-нові-виклики-та-мож/>; “Bilateral relations in the region: Georgia” [in Ukrainian], *Ukrainian prism*, accessed June 14, 2021, <http://prismua.org/eap-ua-ge/>

⁸⁸ *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the internal and external situation of Ukraine in 2020’* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2020), 17.

⁸⁹ Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 36.

Ukrainian institutions of foreign policy expertise in Ukrainian military policy and foreign and security policy begin to be considered and put into practice. During the presidency of Pyotr Poroshenko and Volodymyr Zelensky, a number of strategies and doctrines that define the foundations of these public policies were developed.

On November 29, 2018, the Strategy of the Naval Forces of the Armed Forces of Ukraine until 2035 was presented. According to Admiral Igor Voronchenko, commander of the Ukrainian Navy at that time, this document was created “by the command of the naval forces together with Ukrainian and foreign experts.”⁹⁰ The text of the document does indeed contain many elements typical for the geopolitical worldview of the Ukrainian experts on international relations. These are the theses about Russia’s desire for “dominance” in the Black Sea region, “militarization” of the region, “opposing” the states outside the Black Sea region, etc. The Strategy also reflects recommendations on interaction with NATO and Ukraine’s partner countries in the region.⁹¹ The strategy assumes the formation by 2035 of the Ukrainian Navy that would be fully combat-ready and prepared for a real large-scale military confrontation with Russia. When V. Zelensky came to power in the country, he removed I. Voronchenko (Poroshenko’s protégé) from the post of Commander-in-Chief of the Navy and the Strategy became less relevant for the ruling regime in Ukraine.

On 4 September 2020, Zelensky’s decree no. 392/2020 approved the National Security Strategy of Ukraine,⁹² a key document that defines the essential foundations of the state’s security policy. The basic draft of the Strategy was developed by the staff of the National Institute for Strategic Studies.⁹³ This document was both a channel for experts to influence the state policy and also the outcome of their influence. The National Security Strategy of Ukraine is a product of the already approved political decision adopted by the authorities that was developed by the experts. Therefore, by its example, it is possible to find out which of the ideas from their geopolitical worldview have become part of the official geopolitical worldview of the ruling regime and laid the foundations for the state policy in the sphere of

⁹⁰ “The Strategy of the Naval Forces of Ukraine until 2035’ presented” [in Ukrainian], *Ministry of Defense of Ukraine*, accessed on June 14, 2021, <https://www.mil.gov.ua/news/2018/11/29/vijskovo-morski-sili-zbrojnih-sil-ukraini-prezentovana-strategiya-rozvitku/>

⁹¹ “The Strategy of the Naval Forces of Ukraine until 2035” [in Ukrainian], *Ministry of Defense of Ukraine*, accessed on June 14, 2021, <https://navy.mil.gov.ua/strategiya-vijskovo-morskyh-syl-zbrojnyh-syl-ukrayiny-2035/>

⁹² Decree of the President of Ukraine no. 392/2020.

⁹³ “President of Ukraine Volodymyr Zelensky approved the National Security Strategy of Ukraine” [in Ukrainian], *National Institute for Strategic Studies*, accessed June 14, 2021, <https://niss.gov.ua/news/novini-NISS/prezident-ukraini-volodimir-zelenskiy-zatverdiv-strategiyu-nacionalnoi-bezpeki>

security. The Strategy, as well as analytical documents of the NISS, is characterized by 1) perception of Russia as “an aggressor state, a source of long-term systemic threats to national security of Ukraine,” regional and international security; 2) lack of a common approach to conceptualization of the Black Sea geopolitical space that is viewed either separately or in connection with the Baltic or Caspian geopolitical space; 3) attitude towards the Black Sea region as the main territory where confrontation with Russia takes place.⁹⁴ The document reflects recommendations related to Ukraine's Euro-Atlantic integration and the involvement of NATO countries in politico-military processes in the Black Sea region. In addition, it emphasizes the need for comprehensive cooperation with the United Kingdom, the United States, and Turkey.

On 25 March 2021, the Ukrainian Military Security Strategy was approved by Presidential Decree no. 121/2021.⁹⁵ This document maintains similar securitized perceptions of Russia and the Black Sea region. It is noted that the Russian

aggressive foreign and military policy . . . threatens the national security of Ukraine and other states in the Baltic Sea and Black Sea regions, as it may lead to further escalation of armed aggression against Ukraine and provoke an international armed conflict in Europe.⁹⁶

The document also confirms the course for maximum readiness to cooperate with NATO and participate in the military missions of the Alliance,

to achieve compatibility of the Armed Forces of Ukraine and other components of the defense forces with the relevant structures of NATO member states and to enact new military regulations (doctrines) based on Euro-Atlantic principles.⁹⁷

Much attention in the Military Security Strategy is paid to the issues related to the Navy: ensuring control over the “near sea zone,” development of the navy, and protection of Ukraine's national interests in the Sea of Azov and in the Black Sea. Overall, the Strategy is designed for long-term and systemic confrontation with Russia in the Black Sea and is fully in line with the abovementioned recommendations of Ukrainian think tanks.

⁹⁴ Decree of the President of Ukraine no. 392/2020.

⁹⁵ Decree of the President of Ukraine no. 121/2021 as of March 25, 2021 “On the decision of the National Security and Defense Council of Ukraine ‘On the National Security Strategy of Ukraine’” [in Ukrainian], *President.gov.ua*, accessed June 14, 2021, <https://www.president.gov.ua/documents/1212021-37661>

⁹⁶ Decree of the President of Ukraine no. 121/2021.

⁹⁷ Decree of the President of Ukraine no. 121/2021.

In March 2021, the draft of the Information Security Strategy of Ukraine was officially published for public discussion. It notes that

Russian Federation policy remains a long-term threat not only to Ukraine but also to most democracies. Russian special information operations, which are part of military operations, target all key democratic practices (including electoral ones), and Russian special services try to reinforce internal contradictions in the bloc of democratic countries.⁹⁸

In line with this securitized image of Russia, the document proposes a wide range of strategic measures to counter it, from anti-Russian propaganda aimed at foreign audiences to “memory wars”⁹⁹ with Russia.

In April 2021, the Doctrine of the Navy of the Armed Forces of Ukraine was finalized with the participation of the Naval Institute of the National University “Odessa Maritime Academy,” the Department of Naval Studies of the National Defense University of Ukraine named after Ivan Chernyakhovsky, and the Navy Command of the Ukrainian Armed Forces. Unfortunately, this document was not publicly available at the time of preparation of this article. However, comments by Ukrainian naval officials available on this matter raise no doubt that it was based on the same geopolitical worldview and the same foreign and military policy recommendations as other similar acts in the field of military and security policy. In particular, when presenting the Doctrine, the new chief of the Ukrainian navy, Rear Admiral Oleksiy Neizhpapa, noted that

the future of Ukraine as a sovereign nation depends directly on its ability to freely use the sea within the framework of international law, which can be enforced in the Black Sea region first and foremost by NATO member states and by Ukraine’s membership in the North Atlantic Alliance itself.¹⁰⁰

Conclusion

The following conclusions can be drawn from the research conducted by the author:

⁹⁸ Decree of the President of Ukraine “On the decision of the National Security and Defense Council of Ukraine ‘On the Information Security Strategy’” [in Ukrainian], *Ministry of Culture and Information Policy*, accessed June 14, 2021, <https://mkip.gov.ua/files/pdf/45698712365.pdf>

⁹⁹ D.O. Churakov, “‘Memory Wars’ and local conflicts of our time” [in Russian], in *Teaching military history in Russia and abroad: a collection of articles*, ed. K.A. Pakhalyuk (St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018), 421–31.

¹⁰⁰ “The Doctrine of the Navy of the Armed Forces of Ukraine was developed for the first time in Ukraine, says the Ministry of Defense” [in Ukrainian], *Interfax-Ukraine*, accessed June 14, 2021, <https://ua.interfax.com.ua/news/general/740742.html>

1. Foreign policy expertise studying Russia and the Black Sea region has been formed and is functioning effectively in Ukraine. Its member institutions, think tanks, represent state, private, and non-governmental sectors. The problems of Russian-Ukrainian relations and Russian policy in the Black Sea region are studied systematically in Ukraine. Some think tanks focus on fundamental science (primarily geopolitics) and the development of a strategy for possible long-term counteraction to Russian national interests in the Black Sea region; others focus on applied political research aimed at finding suitable methods and tactics in the field of foreign and military policy.

2. The direction of Ukrainian foreign policy expertise under research has the features of an epistemic community, as its member think tanks: 1) possess a common geopolitical worldview, 2) produce and transmit common securitized ideas about Russia and the Black Sea region to the political elite and the ruling regime of the country, 3) are prone to irrational explanation of motives of Russian foreign and defense policy and a realist approach to elaborating recommendations to counter it.

3. The Black Sea region is central to the geopolitical worldview of experts on international relations representing Ukraine's main think tanks. In their texts, Russia is seen as a major systemic and existential threat to the national security of their state and to their regional and international security. In their view, Russia is an irrational and revanchist actor in international politics. Securitized perceptions of Russia and the Black Sea region are based on the political myth about the "global hybrid war," which is created and developed by the Ukrainian think tanks themselves, primarily by the National Institute for Strategic Studies (NISS). They cannot find a rational explanation for Russia's actions in the Black Sea region and in the international environment as a whole that would be suitable for the policy of the ruling regime in Ukraine. Therefore, they tend to refer to xenophobic myths about the Russian people.

4. Ukrainian experts are convinced that their country has virtually no one to rely on in their fight against Russia in the Black Sea region. The member states of the Black Sea region do not have a common vision of the "Russian threat" and are not ready to actively counter it. Among these states, the Ukrainian experts pay particular attention to Romania and Turkey, the former being considered a more promising ally and the latter having limited in its capabilities by the existing "Black Sea consensus" with Russia.

5. Recommendations of the Ukrainian think tanks to state authorities are of a harsh and consistent anti-Russian nature. They also create real threats to Russia's military security in the Black Sea region. On the one hand, they are aimed at provoking a direct armed conflict on a regional scale "here and now," in which non-Black Sea states (Great Britain, the US, Germany and others) should be Ukraine's allies. On the other hand, think tank experts recommend the Ukrainian authorities to follow the path of creating a two-tiered anti-Russian collective security system in the

Black Sea region. Its main level should be a politico-military partnership with NATO member states; its second level, a de facto alliance with Georgia and Moldova. Under these conditions, the Black Sea region will become an absolutely hostile geopolitical space for Russia. Situational threats in this region will be combined with active and continuous strategic confrontation with NATO and its partners, controlling together most of the Black Sea coastline and water area.

6. The analytical materials of Ukrainian institutions for foreign policy expertise engaged in the studies of Russia and the Black Sea region were not written “to be kept in the desk drawer” with no intention to publish them. On the contrary, they were carefully prepared as a foundation for the country’s national policy. The study of the texts of doctrines and strategies adopted by the leadership of Ukraine or in the process of adoption shows that they fully reproduce the geopolitical worldview inherent in the texts of expert organizations on the same subject matter. Recommendations related to countering Russia in the Black Sea region and to cooperation with NATO member states and other anti-Russian forces were certainly considered by the Ukrainian military and the Ukrainian politicians. It is particularly illustrative in the case of Ukraine’s recently adopted National Security Strategy, which is based on the NISS’s vision of the issues of Russian-Ukrainian relations and the situation in the Black Sea region.

7. In countering Ukraine’s attempts to create threats to Russia’s military security in the Black Sea region, it is necessary to consider the geopolitical worldview that is broadcast to the ruling regime by Ukrainian think tanks as well as the recommendations they provide to the authorities. The epistemic community specializing in the studies of Russia and the Black Sea region in Ukraine poses a threat to Russian national interests in general and in the Black Sea region in particular because it views Russia exclusively as an enemy and proposes quite effective measures to damage it. Under these circumstances, the urgent task of the Ukrainian vector of Russian foreign policy should be to develop a conceptual and long-term approach to work with the Ukrainian expert community, which would reduce its effectiveness and legitimacy both in Ukraine and internationally.

Список литературы

Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України: аналітична доповідь. Київ: НІСД, 2020. 37 с.

Баранов А.В. Геополитический конфликт в Керченском проливе и Азовском море: причины, интересы участников, динамика // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 89–94.

Баранов А.В. Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14), № 2. С. 5–18.

Будзович Ю. ГУАМ в контексті забезпечення безпеки та співробітництва Чорноморського регіону // Вісник Прикарпатського університету. Серія: Політологія. 2015. Вип. 9. С. 80–88.

Власюк О.С., Кононенко С.В. Кремлівська агресія проти України: роздуми в контексті війни. Київ: НІСД, 2017. 304 с.

Гаврила А. Роль Черноморского региона в региональном и глобальном контексте // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 1–2. С. 44–47.

Горбулін В.П. Світова гібридна війна: український фронт. Київ: НІСД, 2017. 496 с.

Горбулін В.П., Власюк О.С., Кононенко С.В. Російсько-українська війна в термінах теорії реалізму // Суспільно-політичні процеси. 2016. Вип. 2. С. 70–96.

Горбулін В.П., Власюк О.С., Лібанова Е.М., Ляшенко О.М. Збройний конфлікт в Україні у термінах геополітики // Суспільно-політичні процеси. 2016. Вип. 3. С. 61–86.

Горюнова Є.О. Анексія Криму як загроза безпеці Балто-Чорноморського регіону // Інтермарум: історія, політика, культура. 2017. № 4. С. 8–17.

Гудев П.А. Новые риски и угрозы безопасности России в Азово-Черноморском регионе // Пути к миру и безопасности. 2017. № 2 (53). С. 37–45.

Ирхин А.А., Москаленко О.А. Черноморско-Средиземноморский регион в современной западной аналитике // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань»: материалы научно-практической конференции, Севастополь, 20–21 сентября 2019 года / под редакцией Е.А. Барминой. Севастополь: СевГУ, 2019. С. 319–324.

Ирхин А.А., Нелина Л.П., Чихарев И.А. Россия и Большое Средиземноморье (1920–2014) // Парадигмы истории и общественного развития. 2018. № 12. С. 58–68.

Ислямова Э.Э. Черноморский регион в контексте политики национальной безопасности Российской Федерации: вопросы теории // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46, № 2. С. 375–383.

Ишин А.В. О геополитической ситуации в Черноморском регионе: крымский взгляд // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 1 (7). С. 38–46.

Ишин А.В. О геополитической стратегии НАТО в Черноморском бассейне // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7, № 2. С. 219–226.

Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4: Региональное измерение политического процесса. С. 31–52.

Коньшев В.Н. Безопасность в Черноморском регионе в оценках «мозговых центров» США // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: материалы Международной научно-практической конференции / под редакцией А.В. Баранова, В.В. Касьянова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 32–35.

Кудряченко А.І., Швед В.О., Солошенко В.В., Самойленко С.Г. Міжнародні аспекти інтеграції Донбасу і Криму в політико-правовий і соціокультурний простір України: аналітична доповідь. Київ: ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2019. 70 с.

Курьлев К.П., Гаврикова К.В., Поспелова Е.А. Экспертно-аналитические центры на Украине: характер и особенности // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15, № 3. С. 99–109.

Литвиненко О. Чорноморська безпека: основні тренди 2030 // Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <https://niss.gov.ua/sites/default/files/2020-09/bsr-ukr.pdf> (дата звернення: 14.06.2021).

Маєвська О. Діяльність «мозкових центрів» на сучасному етапі: загрози та виклики // Вісник Львівського університету. Серія: Філософсько-політологічні студії. 2019. Вип. 26. С. 145–151. DOI: 10.30970/2307-1664.2019.26.18

Мальшев Д.В. Керченский кризис и статус Азовского моря // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2, № 2. С. 982–989.

Міненко П.В. Концептуальні засади та категоріальне визначення поняття «мозкові центри»: наукове переосмислення традиційних підходів // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Серія: Політологія. Соціологія. Право. 2018. № 1. С. 17–22. DOI: 10.20535/2308-5053.2018.1(37).152816

Нурьшев Г.Н. Современное Причерноморье в геополитическом измерении // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 2–2 (14). С. 16–21.

Олійник С.Ю. Роль аналітичних недержавних політологічних центрів України в розвитку політичної науки // Гілея. 2011. Вип. 51. С. 473–478.

Парахонський Б.О. Регіональні наслідки глобальних суперечностей: Чорноморський регіон // Стратегічна панорама: Науково-практичний журнал. 2016. № 2. С. 10–16.

Парахонський Б.О. Системна криза міжнародної безпеки: Близькосхідно-Чорноморський простір: аналітична доповідь. Київ: НІСД, 2016. 52 с.

Парахонський Б.О., Яворська Г.М. Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, смисл: монографія. Київ: НІСД, 2019. 560 с.

Петров В.П. Геополитическое значение Крыма // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Т. 20, № 1. С. 21–30.

Плющ О. Просування експертними організаціями дискурсу політичних суб'єктів // Соціальна психологія. 2012. № 1–2 (51–52). С. 204–214.

Ржевська Н. «Мозкові центри» як суб'єкти експертного середовища: функціональний аналіз // Політичний менеджмент. 2012. № 1–2. С. 161–169.

Російський спрут у дії. Кейс «Україна» // Geostrategy. URL: <https://geostrategy.org.ua/analitika/doslidzhennya/rosiyskyu-sprut-u-diyi-keys-ukrayina/zavantazhyty-doslidzhennya-rosiyskyu-sprut-u-diyi-keys-ukrayina> (дата звернення: 14.06.2021).

Рубанов В.В. Институционализация – базовое понятие характеристики процесса становления и развития политической аналитики в Украине // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2012. № 4 (14). С. 165–169.

Самусь М. ЦДАКР: Російська агресія в Керченській протоці – тест для сучасної системи міжнародних відносин // Центр досліджень армії, конверсії та роззброєння. URL: <https://cacds.org.ua/?p=4886> (дата звернення: 14.06.2021).

Солодкий В.А. Фонд имени Разумкова как инструмент политики «мягкой силы» Запада на Украине // Причерноморье. История, политика, культура. 2017. № 23. С. 53–57. DOI: 10.5281/zenodo.1164053

Федорчук О. Недержавні аналітичні центри України як сегмент політичної науки // Вісник Львівського університету. Серія: Філософсько-політологічні студії. 2017. Вип. 10. С. 182–187.

Фокин И.А. Институциональная инфраструктура политической науки в современной Украине // Политическая наука. 2015. № 3: Социальные и политические функции академических и экспертных сообществ. С. 252–266.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. Москва: НОФМО, 2008. 232 с.

Чураков Д.О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей / под редакцией К.А. Пахалюка. Санкт-Петербург: Нестор–История, 2018. С. 421–431.

Шелест Г. Чи існує чорноморська політика НАТО? // Українська призма. URL: <http://prismua.org.tilda.ws/blackseanato> (дата обращения: 14.06.2021).

Шелест Г. Чи існує Чорноморська стратегія НАТО? // Українська призма. URL: <http://prismua.org.tilda.ws/blackseanato#rec246964356> (дата обращения: 14.06.2021).

Шелест Г. Чорноморська безпека: спроможності сусідів України на морі. Аналітична записка // Українська призма. URL: <http://prismua.org/03-02-2021/> (дата обращения: 14.06.2021).

Юрченко И.В. Геополитические особенности Черноморского региона в контексте обеспечения безопасности Юга России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2008. № 3. С. 18–24.

Albert M., Buzan B. Securitization, sectors and functional differentiation // Security Dialogue. 2011. № 42 (4–5). P. 413–425. DOI: 10.1177/0967010611418710

Alexandrova-Arbatova N. Security relations in the Black Sea region: Russia and the West after the Ukrainian crisis // Southeast European and Black Sea Studies. 2015. No. 15 (2). P. 129–139. DOI: 10.1080/14683857.2015.1060015

Baltic-Black Sea regionalisms / edited by O. Bogdanova, A. Makarychev. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2020. DOI:10.1007/978-3-030-24878-9

Cross S. NATO–Russia security challenges in the aftermath of Ukraine conflict: Managing Black Sea security and beyond // Southeast European and Black Sea Studies. 2015. No. 15 (2). P. 151–177. DOI: 10.1080/14683857.2015.1060017

Haas P.M. Introduction: Epistemic communities and international policy coordination // International Organization. 1992. Vol. 46, no. 1. Knowledge, Power, and International Policy Coordination. P. 1–35.

Kayser S. Geopolitics of the Black Sea // Maritime security center of excellence. URL: <https://www.marseccoe.org/marsec/upload/files/202006/5ed7a3131bed8-1591190291.pdf> (дата обращения: 11.05.2021).

Marten K. NATO enlargement: evaluating its consequences in Russia // International politics. 2020. No. 57. P. 401–426. DOI: 10.1057/s41311-020-00233-9

Naumescu V. NATO in the Black Sea region: Unpredictability and different levels of commitment among the three coastal allies // The journal of cross-regional dialogues. 2020. Special Issue. P. 131–152. DOI: 10.25518/2593-9483.141

Sanders D. Maritime power in the Black Sea (1st ed.). London: Routledge, 2014. DOI: 10.4324/9781315593920

Wæver O. Securitization and desecuritization // On Security, edited by Ronnie D. Lipschutz. New York, Columbia University Press, 1995. P. 46–86.

References

- Albert M., and B. Buzan. "Securitization, sectors and functional differentiation." *Security Dialogue*, no. 42 (4–5) (2011): 413–25. <https://doi.org/10.1177/0967010611418710>
- Alexandrov, O., A. Filipenko, and R. Vlasenko. *Rosii'ska polityka v Chornomors'komu rehioni: zagrozy i vyklyky dlya Ukrainy: analitychna dopovid'*. [Russian policy in the Black Sea region: threats and challenges for Ukraine: an analytical report]. Kiev: NISD, 2020. (In Ukrainian)
- Alexandrova-Arbatova, N. "Security relations in the Black Sea Region: Russia and the West after the Ukrainian crisis." *Southeast European and Black Sea studies*, no. 15 (2) (2015): 129–39. <https://doi.org/10.1080/14683857.2015.1060015>
- Baranov, A.V. "Geopoliticheskii konflikt v Kerchenskom prolive i Azovskom more: prichyny, interesy uchastnikov, dinamika" [Geopolitical conflict in the Kerch Strait and the Sea of Azov: causes, interests of participants, dynamics]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, no. 1 (58) (2019): 89–94. (In Russian)
- Baranov, A.V. "Izmeneniya geopoliticheskogo balansa sil v Prichernomor'e v usloviyakh vossoedineniya Kryma s Rossiei" [Changes in the geopolitical balance of power in the Black Sea region in the context of the reunification of Crimea with Russia]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, vol. 4 (14), no. 2 (2018): 5–18. (In Russian)
- Bogdanova, O., and A. Makarychev, eds. *Baltic-Black Sea regionalisms*. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-24878-9>
- Budzovych, Yu. "HUAM v konteksti zabezpechennya bezpeky ta spivrobitnytstva Chornomors'koho rehionu" [GUAM in the context of security and cooperation of the Black Sea region]. *Visnyk Prykarpats'koho universytetu. Seriya: Politologiya*, no. 9 (2015): 80–88. (In Ukrainian)
- Churakov, D.O. "'Voiny pamyati' i lokal'nye konflikty sovremennosti" ['Memory Wars' and local conflicts of our time]. In *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom: sbornik statei* [Teaching military history in Russia and abroad: a collection of articles], edited by K.A. Pakhalyuk, 421–31. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. (In Russian)
- Cross, S. "NATO–Russia security challenges in the aftermath of Ukraine conflict: managing Black Sea security and beyond." *Southeast European and Black Sea Studies*, no. 15 (2) (2015): 151–77. <https://doi.org/10.1080/14683857.2015.1060017>
- Fedorchuk, O. "Nederzhavni analitychni tseny Ukrainy yak sehment politychnoyi nauky" [Non-governmental analytical centers of Ukraine as a segment of political science]. *Visnyk L'vivs'koho universytetu. Seriya: Filosofs'ko-politologichni studiyi*, no. 10 (2017): 182–87. (In Ukrainian)
- Fokin, I.A. "Institutsional'naya infrastruktura politicheskoi nauki v sovremennoi Ukraine" [The institutional infrastructure of political science in modern Ukraine]. *Politicheskaya nauka*, no. 3, *Sotsial'nye i politicheskie funktsii akademicheskikh i ekspertnykh soobshchestv* [Social and political functions of academic and expert communities] (2015): 252–66. (In Russian)
- Gavrila, A. "Rol' Chernomorskogo regiona v regional'nom i global'nom kontekste" [The role of the Black Sea region in the regional and global context]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, vol. 9, no. 1–2 (2017): 44–47. (In Russian)
- Horyunova, Ye.O. "Aneksiya Krymu yak zahroza bezpetsi Balto-Chornomors'koho rehionu" [Annexation of Crimea as a threat to the security of the Baltic-Black Sea region]. *Intermarum: istoriya, polityka, kul'tura*, no. 4 (2017): 8–17. (In Ukrainian)

Gudev, P.A. “Novye riski i ugrozy bezopasnosti Rossii v Azovo-Chernomorskom regione” [New risks and threats to Russia's security in the Azov-Black Sea region]. *Puti k miru i bezopasnosti*, no. 2 (53) (2017): 37–45. (In Russian)

Haas, P.M. “Introduction: epistemic communities and international policy coordination.” *International Organization*, vol. 46, no. 1, *Knowledge, power, and international policy coordination* (1992): 1–35.

Horbulin, V.P. “Svitova hibrydna viina: ukrayins'kii front” [The world hybrid war: Ukrainian forefront]. Kiev: NISD, 2017. (In Ukrainian)

Horbulin, V.P., O.S. Vlasyuk, and S.V. Kononenko. “Rosii's'ko-ukrayins'ka viina v terminakh teorii realizmu” [Russian-Ukrainian war in terms of the theory of realism]. *Suspil'no-politychni protsesy*, no. 2 (2016): 70–96. (In Ukrainian)

Horbulin, V.P., O.S. Vlasyuk, E.M. Libanova, and O.M. Lyashenko. “Zbroinyi konflikt v Ukrayini u terminakh heopolityky” [Armed conflict in Ukraine in terms of geopolitics]. *Suspil'no-politychni protsesy*, no. 3 (2016): 61–86. (In Ukrainian)

Irkhin, A.A., and O.A. Moskalenko. “Chernomorsko-Sredizemnomorskii region v sovremennoi zapadnoi analitike” [The Mediterranean and Black Sea region in modern Western analytics]. In *Gumanitarnye chteniya “Sevastopol'skaya gavan’”: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sevastopol', 20–21 sentyabrya 2019 goda* [Humanitarian readings ‘Sevastopol Harbor’: Proceedings of the scientific practical conference, Sevastopol, September 20–21, 2019], edited by E.A. Barmina, 319–24. Sevastopol: SevGU 2019). (In Russian)

Irkhin, A.A., L.P. Nelina, and I.A. Chikharev, “Rossiya i Bol'shoe Sredizemnomor'e (1920–2014)” [Russia and the Mediterranean macro-region (1920–2014)]. *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya*, no. 12 (2018): 58–68. (In Russian)

Ishin, A.V. “O geopoliticheskoi situatsii v Chernomorskom regione: krymskii vzglyad” [On the geopolitical situation in the Black Sea region: a Crimean view]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, no. 1 (7) (2016): 38–46. (In Russian)

Ishin, A.V. “O geopoliticheskoi strategii NATO v Chernomorskom basseine” [On the geopolitical strategy of NATO in the Black Sea basin]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, vol. 7, no. 2 (2020): 219–26. (In Russian)

Islyamova, E.E. “Chernomorskii region v kontekste politiki natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: voprosy teorii” [The Black Sea region in the context of the National Security policy of the Russian Federation: theory issues]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*, vol. 46, no. 2 (2019): 375–83. (In Russian)

Kayser, S. “Geopolitics of the Black Sea.” *Maritime security center of excellence*. Accessed May 11, 2021. <https://www.marseccoe.org/wp-content/uploads/2021/08/Geopolitics-of-the-Black-Sea.pdf>

Khrustalev, M.A. *Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza: ocherki teorii i metodologii* [Analysis of international situations and political expertise: essays on theory and methodology]. Moscow: NOFMO, 2008. (In Russian)

Kolosov, V.A. “Kriticheskaya geopolitika: osnovy kontseptsii i opyt ee primeneniya v Rossii” [Critical geopolitics: Fundamentals of the concept and experience of its application in Russia]. *Politicheskaya nauka*, no. 4, *Regional'noe izmerenie politicheskogo protsessa* [Regional dimension of the political process] (2011): 31–52. (In Russian)

Konyshev, V.N. “Bezopasnost' v Chernomorskom regione v otsenkakh ‘mozgovykh tsentrov’ SShA” [Security in the Black Sea region in the estimates of ‘think tanks’ of the United States]. In

Chernomorsko-Sredizemnomorskii region v sisteme natsional'nykh interesov Rossii: istoriya i sovremennost': k 80-letiyu nachala Velikoi Otechestvennoi voiny: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Black Sea-Mediterranean region in the system of national interests of Russia: history and modernity: to the 80th anniversary of the Great Patriotic War: Proceedings of the international scientific and practical conference], edited by A.V. Baranov and V.V. Kas'yanov, 32–35. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2021. (In Russian)

Kudryachenko, A.I., V.O. Shved, V.V. Soloshenko, and S.G. Samoilenko. *Mizhnarodni aspekti intehtratsiyi Donbasu i Krymu v polityko-pravovyi i sotsiokul'turnyi prostir Ukrayiny: analitychna dopovid'* [International aspects of the integration of Donbas and Crimea in the political, legal and socio-cultural space of Ukraine: an analytical report]. Kiev: DU “Instytut vsesvitn'oyi istoriyi NAN Ukrayiny”, 2019. (In Ukrainian)

Kurylev, K.P., K.V. Gavrikova, and E.A. Pospelova. “Ekspertno-analiticheskie tsentry na Ukraine: kharakter i osobennosti” [Expert think tanks in Ukraine: format and features]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 15, no. 3 (2015): 99–109. (In Russian)

Lytvynenko, O. “Chornomors'ka bezpeka: osnovni trendy 2030” [Black Sea security: main trends 2030]. *National Institute for Strategic Studies*. Accessed June 14, 2021. <https://niss.gov.ua/sites/default/files/2020-09/bsr-ukr.pdf> (In Ukrainian)

Malyshev D.V. “Kerchenskii krizis i status Azovskogo morya” [The Kerch Crisis and the status of the Sea of Azov]. *Postsovetskie issledovaniya*, vol. 2, no. 2 (2019): 982–89. (In Russian)

Marten, K. “NATO enlargement: evaluating its consequences in Russia.” *International politics*, no. 57 (2020): 401–26. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00233-9>

Mayevs'ka, O. “Diyal'nist' ‘mozkovikh tsentriv’ na suchasnomu etapi: zahrozy ta vikliky” [Activities of think tanks at the current stage: threats and challenges]. *Visnyk L'vivs'kogo universytetu. Seriya: Filosofs'ko-politologichni studiyi*, no. 26 (2019): 145–51. <https://doi.org/10.30970/2307-1664.2019.26.18> (In Ukrainian)

Minenkova, P.V. “Kontseptual'ni zasady ta katehorial'ne vyznachennya ponyattya ‘mozkovi tsentry’: naukove pereosmyslennya tradytsiinykh pidkhodiv” [Conceptual principles and categorical definition of the concept of think tanks: a scientific rethinking of traditional approaches]. *Visnyk Natsional'nogo tekhnichnoho universytetu Ukrayini ‘Kyyivs'kii politekhnichnyi instytut’. Seriya: Politologhiya. Sotsiologhiya. Pravo*, no.1 (2018): 17–22. [https://doi.org/10.20535/2308-5053.2018.1\(37\).152816](https://doi.org/10.20535/2308-5053.2018.1(37).152816) (In Ukrainian)

Naumescu, V. “NATO in the Black Sea region: unpredictability and different levels of commitment among the three coastal allies.” *The journal of cross-regional dialogues*, special issue (2020): 131–52. <https://doi.org/10.25518/2593-9483.141>

Nuryshev, G.N. “Sovremennoe Prichernomor'e v geopoliticheskom izmerenii” [Modern Black Sea coast: geopolitical dimension]. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie*, no. 2–2 (14) (2016): 16–21. (In Russian)

Oliinyk, Ye.Yu. “Rol' analitychnykh nederzhavnykh politologichnykh tsentriv Ukrayiny v rozvytku politychnoyi nauky” [The role of Ukrainian non-governmental political science think tanks in the development of political science]. *Hileya*, no. 51 (2011): 473–78. (In Ukrainian)

Parahons'kii, B.O. “Rehional'ni naslidky hlobal'nykh superechnosti: Chornomors'kyi rehion” [Regional consequences of global contradictions: the Black Sea region]. *Stratehichna panorama: Naukovo-praktychnyi zhurnal*, no. 2 (2016): 10–16. (In Ukrainian)

Parahons'kii, B.O. *Systemna kryza mizhnarodnoyi bezpeky: Blyz'koskhidno-Chornomors'kyi prostir: analitychna dopovid'* [Systemic crisis of international security: Middle East and Black Sea region: an analytical report]. Kiev: NISD, 2016. (In Ukrainian)

Parahons'kii, B.O., and G.M. Yavors'ka. *Ontolohiya viiny i myru: bezpeka, stratehiya, smysl: monohrafiya* [The ontology of war and peace: security, strategy, meaning: a monograph]. Kiev: NISD, 2019. (In Ukrainian)

Petrov, V.P. "Geopoliticheskoe znachenie Kryma" [Geopolitical significance of Crimea]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*, vol. 20, no. 1 (2018): 21–30. (In Russian)

Plyushch, O. "Prosuvannya ekspertnykh orhanizatsiyamy dyskursu politychnykh sub'yektiv" [Promotion of the discourse of political subjects by expert organizations]. *Sotsial'na psykholohiya*, no. 1–2 (51–52) (2012): 204–14. (In Ukrainian)

"Rosiy'skyi sprut u diyi. Keis 'Ukrayina'" [Russian octopus in action. Case 'Ukraine']. *Geostrategy*. Accessed June 14, 2021. <https://geostrategy.org.ua/analytika/doslidzhennya/rosiyskyy-sprut-u-diyi-keys-ukrayina/zavantazhyty-doslidzhennya-rosiyskyy-sprut-u-diyi-keys-ukrayina>. (In Ukrainian)

Rubanov, V.V. "Institutsionalizatsiya – bazovoe ponyatie kharakteristiki protsessa stanovleniya i razvitiya politicheskoi analitiki v Ukraine" [Institutionalization as the basic concept of the characteristics of the process of political analytics formation and development in Ukraine]. *Visnyk Natsional'noho universytetu 'Yurydychna akademiya Ukrayiny imeni Yaroslava Mudroho.'* Seriya: *Filosofiya, filosofiya prava, politolohiya, sotsiolohiya*, no. 4 (14) (2012): 165–69. (In Russian)

Rzhevs'ka, N. "Mozkovi tsentry' yak sub'yekty ekspertnoho seredovyshcha: funktsional'nyi analiz" ['Think tanks' as subjects of the expert environment: a functional analysis]. *Politychnyi menedzhment*, no. 1–2 (2012): 161–69. (In Ukrainian)

Samus', M. "TsDAKR: Rosiis'ka ahresiya v Kerchens'kii prototsi – test dlya suchasnoyi systemy mizhnarodnykh vidnosyn" [CACDS: Russian aggression in the Kerch Strait – a test for the modern system of international relations]. Center for Army Conversion and Disarmament Studies. Accessed June 14, 2021. <https://cacds.org.ua/?p=4886> (In Ukrainian)

Sanders, D. *Maritime power in the Black Sea*. 1st ed. London: Routledge, 2014. <https://doi.org/10.4324/9781315593920>

Shelest, G. "Chornomors'ka bezpeka: spromozhnosti susidiv Ukrayiny na mori. Analitychna zapyska" [Black Sea security: capabilities of Ukraine's neighbors at sea. An analytical note]. *Ukrainian prism*. Accessed June 14, 2021. <http://prismua.org/03-02-2021/> (In Ukrainian)

Shelest, G. "Chy isnuye chornomors'ka polityka NATO?" [Is there a Black Sea policy for NATO?]. *Ukrainian prism*. Accessed June 14, 2021. <http://prismua.org.tilda.ws/blackseanato#rec246964356> (In Ukrainian)

Shelest, G. "Chy isnuye chornomors'ka stratehiya NATO?" [Is there a Black Sea strategy for NATO?]. *Ukrainian prism*. Accessed June 14, 2021. <http://prismua.org.tilda.ws/blackseanato> (In Ukrainian)

Solodkii, V.A. "Fond imeni Razumkova kak instrument politiki 'myagkoi sily' Zapada na Ukraine" [The Razumkov Foundation as an instrument of Western 'soft power' policy in Ukraine]. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*, no. 23 (2017): 53–57. <https://doi.org/10.5281/zenodo.1164053> (In Russian)

Vlasyuk, O.S., and S.V. Kononenko. *Kremlivs'ka ahresiya proty Ukrayiny: rozdumy v konteksti viiny* [Kremlin aggression against Ukraine: reflections in the context of the war]. Kiev: NISD, 2017. (In Ukrainian)

Wæver, O. "Securitization and desecuritization". In *On Security*, edited by Ronnie D. Lipschutz, 46–86. New York: Columbia University Press, 1995.

Yurchenko, I.V. "Geopoliticheskie osobennosti Chernomorskogo regiona v kontekste obespecheniya bezopasnosti Yuga Rossii" [Geopolitical features of the Black Sea region in the

context of ensuring the security of the South of Russia]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3 (2008): 18–24. (In Russian)

Информация об авторе

Олег Владимирович Онопко – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, <https://orcid.org/0000-0001-5569-8256>, onopko.oleg@gmail.com, Донецкий национальный университет (283001 Донецкая Народная Республика, Донецк, ул. Университетская, д. 24)

Information about the author

Oleg V. Onopko – Candidate of Political Sciences (PhD), Associate Professor at the Department of Political Science, <https://orcid.org/0000-0001-5569-8256>, onopko.oleg@gmail.com, Donetsk National University (24, ul. Universitetskaya, Donetsk, 283001, Donetsk People's Republic)

Статья поступила в редакцию 24.08.2021; одобрена после рецензирования 08.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 24.08.2021; approved after reviewing 08.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.